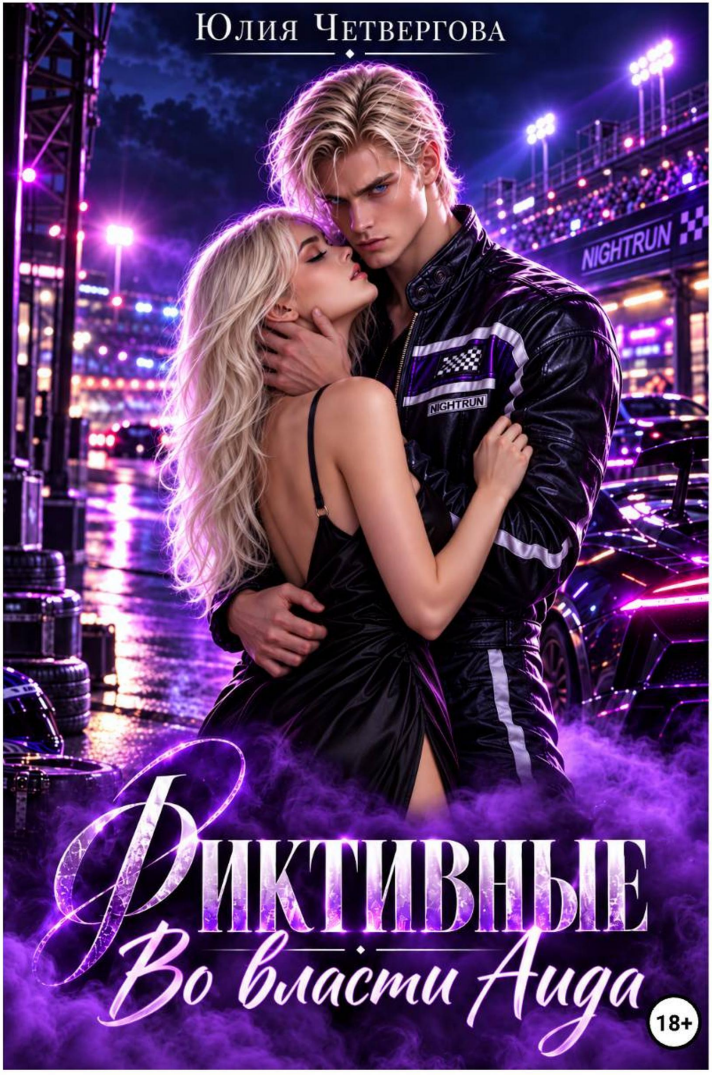

Юлия Четвергова
NIGHTRUN
NIGHTRUN
Фиктивные
Во власти Аида
18+

Юлия Четвергова

Фиктивные. Во власти Аида

https://litres.ru/74700274
SelfPub; 2026

Аннотация

Я думала, наш брак – всего лишь сделка. Но правда оказалась страшнее.

Секреты Аида жестоки. А любовь граничит с одержимостью.

Но что делать, если разум твердит – беги, а сердце умоляет остаться?

И как узнать, что между нами на самом деле: любовь или изощрённая игра Аида?

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ДИЛОГИИ!

Первая - "Фиктивные. Моя по контракту"

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	64
Глава 6	75
Глава 7	90
Глава 8	108
Глава 9	124
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Фиктивные. Во власти Аида

Глава 1

Луна

В кабинете Морозова стоит оглушающая тишина. Не слыша стука сердца, я лихорадочно ищу то, сама не знаю что. Слова Инги всё ещё звучат в голове, не позволяя отступить и оставить всё, как есть:

У Егора есть помешательство… фетиш… идея фикс?

Я больше не пытаюсь скрыть то, что рылась в его вещах. Наоборот. Я яростно переворачиваю всё, на что падает взгляд: стол, ящики, документы, шкаф, полки. Но ничего не нахожу. Ни единого подтверждения словам бывшей зазнобы Егора.

Вот только меня это не останавливает. Что-то – возможно, интуиция, которой я привыкла доверять – подгоняет меня. Заставляет неустанно продолжать поиски.

И, спустя двадцать минут, я, наконец, нахожу, что искала.

Среди стройного ряда книг о бизнесе, я замечаю ту, что выбивается на общем фоне, бросаясь в глаза. Она высокая. В роскошном даже на вид специальном футляре для хранения. Сразу видно – дорогущее и эксклюзивное подарочное издание.

Взяв тяжёлый футляр с полки, достаю книгу, которая пря-

чется внутри – ручной переплёт с объёмным золотым тиснением на чёрном фоне и красным обрезом. На ощупь – натуральная кожа.

Книга такая красивая, что дух захватывает. Я касаюсь её, читая название вслух:

— «Божественная комедия» Данте.

Никогда не читала, но слышала об этом произведении.

Очень… символично.

Не удержавшись, раскрываю книгу. Она пестрит цветными иллюстрациями на каждой странице. И, будь у меня сейчас время, я бы непременно зачиталась ею. Но…

Поднимаю глаза. Смотрю туда, где стояла книга.

Пусто.

Ни секретной кнопки. Ни кодового замка. Ни чего-либо ещё. Обычная полка.

Ну да… На что я вообще рассчитывала?

Я шумно выдыхаю, возвращаясь к книге. Собираюсь вернуть её на место и признать собственное поражение, но в последний момент обращаю внимание на закладку. Бархатный чёрный шнурок торчит почти в самом начале книги, как будто Егор только-только начал её читать или перечитывать.

Осторожно пролистнув книгу, дохожу до нужной страницы. И внутренне содрогаюсь – мрачные врата на ней не оставляют меня равнодушной.

Врата Ада.

Мои пальцы скользят по гладкой поверхности, повторяя

строки. Сначала я читаю их про себя, пытаясь отыскать какой-то тайный смысл. Понять, почему закладка была именно здесь.

Но, в конце концов, мой шёпот разрезает тишину кабинета:

— *«Меня повергло правосудье неба; Меня создала божья мощь, Меня движет высшая любовь, Предвечная премудрость и первая любовь. Древней меня нет ничего, кроме вечных, И с вечностью пребуду наравне. Оставь надежду, всяк сюда входящий.»*

Как только я произношу последнюю фразу, раздаётся щелчок. Слишком громкий для царящей вокруг тишины.

От испуга я захлопываю книгу. Озираюсь по сторонам, пытаясь понять, откуда исходит звук. Позвоночник прошибает холодный пот.

Что происходит?

Вцепившись в книгу, пытаюсь выровнять дыхание. И тут часть стеллажа передо мной – та, что казалась монолитной дубовой панелью – начинает плавно отъезжать в бок. Она движется бесшумно, образуя передо мной ровную, тёмную щель.

Открывая секретный проём.

— Матерь божья… — шепчу ошеломлённо, всматриваясь в темноту.

Одно из отвратительных ощущений на свете – когда твои самые ужасные предчувствия оправдываются. И ты ничего,

буквально ничего не можешь с этим поделать, потому что от тебя это не зависит и никогда не зависело.

Стеллаж останавливается. И единственное, что мне хочется – сесть. Ноги подводят, не желая поддерживать хозяйку в вертикальном положении. Поэтому я вынуждена подойти к столу Егора и тяжело опуститься на его стул.

Посмотрев на книгу взглядом, полным ядовитой иронии, произношу:

— Оставь надежду всяк сюда входящий? А ты ещё тот любитель метафор…

Не знаю, как именно запустился механизм, но, похоже, триггером послужила эта фраза.

Где-то спрятан микрофон? Датчик голосового ввода? Понятия не имею, что бы это могло быть…

Надо же, как мне повезло.

Или… *это тоже* спланировано Егором – чтобы я, в конце концов, обнаружила его тайную комнату?

Переведя дух, убираю книгу обратно в футляр и оставляю её на столе. В комнате погром, поэтому мне, на трясущихся ногах, приходится перешагивать через разбросанные бумаги и обходить выдвинутые ящики.

Но перед входом в *личный Ад* Егора невольно замираю.

Темнота в проходе кажется густой и плотной. *Живой*. Мне жутко. Страшно до спазмов в животе. Я чувствую себя маленькой девочкой, застывшей перед открытой дверью, ведущей в мрачный подвал.

«*Оставь надежду, всяк сюда входящий*», — эхом отзывается в голове снова и снова, прежде чем я переступаю порог.

Темнота обнимает меня своим холодным дыханием. Поглощает, вынуждая идти вперёд, не оборачиваясь. В воздухе пахнет парфюмом Егора, словно он был здесь недавно, и бумагой.

Или нет. Не бумагой...

Глаза привыкают к темноте. Свет из кабинета пробивается следом за мной, как будто не желая отпускать меня, и выхватывает из мрака… *моё лицо*.

Десятки моих лиц.

Время останавливается. Я едва дышу, охваченная смесью ужаса и паники. И не могу поверить в то, что вижу.

Делаю шаг, чтобы подойти ближе – разглядеть, убедиться, что мне не привиделось. На моё движение реагирует датчик света и в глаза ударяет приглушённый свет. Несмотря на его слабую интенсивность, я всё равно зажмуриваюсь. И только спустя несколько секунд снова открываю глаза.

То, что я вижу, вынуждает меня качать головой, повторяя:

— Это сон. Это просто дурацкий сон…

Стена напротив усеяна безумной мозаикой из моих фотографий.

Вот я в фирменной футболке известного общепита, со смешным колпаком на голове, отношу заказ. Я улыбаюсь клиенту, даже не подозревая, что за мной наблюдают.

Вот я в парке. Ем мороженое, с весельем глядя на кого-то,

кто остался за кадром – Катю, которая была в тот день со мной.

Вот я в общественной библиотеке, подперев голову рукой, задумчиво смотрю в окно. Размышляю о том, что нужно готовиться к поступлению в какой-нибудь ВУЗ, но так и не могу определиться с профессией. Я помню это, ведь это было совсем недавно.

И ещё много, *много*запечатлённых моментов: тех, о которых я успела позабыть, не придавая им значения, и другие – особенные, – которые навсегда останутся в моём сердце, как нечто памятное.

Егор… всё это время… следил за мной?

Но… зачем?

От шока даже внятно мыслить не получается. В горле пересыхает и очень сильно хочется сделать глоток ледяной воды.

Но вместо того, чтобы повернуть назад, убежать отсюда и от Морозова, как можно дальше, я подхожу к столу, стоящему у стены с фотографиями.

Он напоминает рабочее место детектива. На нём в хаотичном порядке лежат распечатки моих вызовов. Цитаты из социальной сети, которой я практически не пользуюсь из-за нехватки времени. Какие-то чеки, расписание моих смен, часы и места подработок. Билеты на поезд, датированные днями, в которые мы с Катей ездили в другой город. И куча девайсов о названии и предназначении которых мне остаётся

только догадываться. А в центре всего этого стоит выключенный ноутбук.

Я задыхаюсь. Меня охватывает не то ужас, не то ярость, не то желание просто закричать.

Чтобы выплеснуть это всё, я со свистом выпускаю воздух из лёгких. И с громким, полным бессилия, криком, сбрасываю всё со стола прямо на пол.

Любовь? Не-ет, это не любовь!

Одержимость, болезнь, патология – что угодно, но не она!

Я стала жертвой сталкера. Объектом слежки. Чьей-то больной одержимостью.

А что если… он всё подстроил?

Всё. Начиная с нашей встречи?

От осознания, от того, как со скоростью звука складываются пазлы в моей голове, и я вижу то, что происходило между мной и Егором под другим углом, начинает болеть голова. Она пухнет, не в силах выдержать давления.

Что из того, что было между нами, *настоящее*?

Меня начинает трясти. Я отступаю назад, то и дело путаясь в собственных ногах. Хватаюсь за голову, вцепившись рукой в волосы. Воздуха не хватает.

Мир, который только начал обретать хоть какие-то очертания, снова рушится.

Всё было ложью.

Всё…

Спина упирается во что-то твёрдое, и я останавливаюсь.

Но уже в следующую секунду ледяные щупальца страха обхватывают моё тело, обездвиживая.

Это не стена…

В секретном проёме кабинета, прямо позади меня стоит Аид. Его терпкий аромат, смешанный с запахом кожи и бензина, врывается в мои лёгкие и внизу живота всё сводит. Тело покрывается болезненными мурашками. Но страшнее всего то, что я не понимаю: от страха или от возбуждения.

То, что случилось этой ночью, не прошло для меня бесследно. Я сама не заметила, как стала зависима от присутствия Егора. От его слов. От его эмоций. От касаний.

Он стал нужен мне, как воздух. И даже то, что я сейчас обнаружила, не смогло отвратить от него.

Я в шоке. Я в ужасе. Я даже готова бежать от него без оглядки. Особенно теперь, когда так явно ощущаю его присутствие за своей спиной.

Но я не готова отказаться от своих чувств.

Я не слышала, как Аид вошёл. Не слышала его шагов. И вот он прямо за мной, загораживает единственный выход из комнаты, полной тайн и секретов.

Бесшумная тень. *Повелитель*теней. Хозяин этого места, пропитанного нездоровой одержимостью.

Как долго он наблюдает за мной?

И что мне теперь делать со всем этим?

— Нашла всё-таки, — гремит надо мной, словно гром.

Я вся сжимаюсь. Цепенею ещё больше, одновременно и

опасаясь того, что Аид коснётся меня, и желая этого больше всего.

Это желание неподвластно мне. Я не могу его контролировать. Не могу заставить себя испытывать к нему отвращение. Он забрался слишком глубоко в моё сердце, а я этого даже не заметила.

Я злюсь. Я очень сильно злюсь на него за то, что врал. Меня переполняют разочарование, обида и ещё целый комок негативных эмоций. Но это всё – ничто в сравнении с обжигающей болью, поселившейся у меня в груди. Потому, что я больше не могу доверять человеку, которого впустила в свой мир.

Который стал мне… *семьёй*.

Если бы я только могла повернуть время вспять…

Как же Егор был прав, когда сказал, что любопытство меня погубит!

— И как тебе правда, которую ты так искала?

Его дыхание шевелит волосы на моей макушке. Я вздрагиваю, давя желание обернуться и посмотреть Егору в глаза. Увидеть в них пустоту или безразличие, присущее людям с психопатическими расстройствами. Или ещё хуже – азарт игрока или насмешку.

— Что же ты молчишь, София? Разве тебе нечего сказать?

Глаза жгут злые слёзы.

Почему? Почему всё должно быть *вот так*? Я не смогу жить с одержимым монстром, который играет людскими

жизнями, как шахматными фигурами.

— Ты всё спланировал? — сиплю я, сжимая кулаки. Мой голос дрожит от бури внутри.

— Если ты об этом, — склоняется к моему уху, — то да. Хотел узнать, насколько далеко распространяется твоё любопытство в отношении меня. Вот только не рассчитывал, что ты обнаружишь мой маленький секрет так скоро.

Аид касается моих предплечий. Сжимает их. И часть меня тянется к нему, чтобы ответить лаской. Потереться щекой о его руку. Но это иррационально и глупо.

Это такое же безумие, как и его одержимость мной!

Я отскакиваю от Морозова, ненавидя себя за то, что впустила этого подлого лжеца в своё сердце. И резко разворачиваюсь. Мои губы трясутся. Я на грани. На грани истерики. На грани того, чтобы разрыдаться. Грудную клетку сжимают когти отчаяния.

— Т-ты… Ты болен!

Как бы мне хотелось, чтобы это был просто сон…

Аид точно был на треке. Помимо запаха бензина, на нём тёмно-фиолетовое худи с нечитаемой надписью посередине, чёрные джинсы и кроссовки – в обычной жизни он никогда так не ходит.

В самый последний момент я поднимаю глаза, чтобы рассмотреть лицо Морозова.

На нём нет ни удивления, ни насмешки, ни злости – ничего. Только непроницаемая маска ледяного спокойствия. Что

абсолютно несвойственно *Аиду*. Но глаза… Его глаза полыхают внутренним огнём – тёмным и всепоглощающим. Они кричат, что ему не всё равно. Что он впитывает каждое моё слово, каждую малейшую реакцию.

Или мне просто так кажется.

Вдруг я опять выдаю желаемое за реальность?

— Сколько ты следил за мной?

— Я всё расскажу. Но сначала тебе нужно успокоиться.

Его слова звучат слишком рационально. Правильно. И от того злят ещё больше.

— Пойдём со мной, София, — протягивает мне руку.

Его прохладное «*София»*срывает меня в бездну собственных эмоций.

— Ты всё подстроил? Нашу встречу, помощь с выплатой долга, фиктивный брак … Ты. Всё. Спланировал?! — срываюсь на крик. — Отвечай! Как долго ты следил за мной, Егор?

Меня трясёт от ярости и боли, разрывающей грудь, когда смысл моих же слов доходит до моего отравленного правдой разума. Перед глазами кадрами мелькает наша первая встреча. Его странное поведение. Неосторожные слова, которым я не придавала значения. И то, *как*он смотрел на меня.

С самого начала…

— Мне жаль, что ты обнаружила всё это *сейчас*. Ты не готова…

— Готова? К чему? К чему я должна быть готова, чёрт возьми?! К этому? — округляю глаза, резким жестом руки

указывая на свои фото за спиной.

Аид насторожен и напряжён. Как будто я буйный пациент, а он – врач, следящий за тем, чтобы я себе не навредила.

— София, сейчас не время…

— А когда? Когда будет время? Когда ты снова запудришь мне мозги? Усыпишь бдительность? — не могу успокоиться, распаляясь сильнее.

— Я не собирался делать ничего из того, что ты перечислила.

Меня душат слёзы. Я задыхаюсь, пытаясь сделать очередной вдох.

— Зачем? — спрашиваю надрывным шёпотом, всхлипывая.

Аид хмурится. В его взгляде отражаются мои боль и ужас. И он не выдерживает, впервые на моей памяти первым разрывая зрительный контакт.

— Всё, что я делал, было ради твоего же блага, — прилетает абстрактный ответ. Который ни капли меня не удовлетворяет, а лишь подкидывает дров в пламя моего гнева.

— И всё? Это всё, что ты можешь сказать в своё оправдание? — поражённо выдыхаю я.

— Мне не за что оправдываться, — режет стальным взглядом исподлобья, вновь становясь самим собой. — О таких вещах не рассказывают сходу. Я ждал подходящего момента.

Морозов делает шаг вперед, и я тут же отступаю вглубь этой проклятой комнаты. А спустя мгновение упираюсь в

стол.

Мне некуда деваться.

Я в западне.

— Не подходи!

Я напрягаюсь, готовая бороться за свою свободу, если понадобится.

— Соня…

Несмотря на мои слова, Аид всё равно делает ещё один осторожный шаг навстречу.

— Не смей! — зубы отбивают чечётку от того, как сильно меня трясёт. — Слышишь? Не смей, — выкрикиваю я, чувствуя, как по щекам текут солёные слёзы. Они попадают мне на губы, придавая особую горечь происходящему.

Морозов останавливает в метре от меня. Его грудная клетка тяжело вздымается, словно он борется с самим собой. Мы молчим несколько бесконечных долгих секунд. А потом его рука поднимается. Я зажмуриваюсь, ожидая чего угодно от человека, которого я, как оказалось, совсем не знаю. Но Егор только невесомо проводит тыльной стороной пальцев по моей щеке.

Безумно нежный жест на фоне кошмара, происходящего внутри меня.

— Я люблю тебя, Соня, — произносит он так тихо, что я почти не слышу. — Ты можешь не верить мне, можешь злиться, ненавидеть меня, можешь ударить, если тебе станет легче. Но ничто на свете не сможет изменить мои чувства к

тебе. Ты – моя сила и слабость. Моя женщина. Моя судьба. И я никогда тебя не отпущу. Никогда.

Его признание врезается в меня мощнейшим ударом, выбивая весь воздух из лёгких. На краткий миг я забываю, как дышать. Смотрю на Аида во все глаза. И если вначале лёд внутри меня начал таять, то после последней фразы, он замёрз намертво, покрывшись толстой коркой.

— Я не вещь, — впиваюсь в него взглядом. — Я – человек! Свободный человек. Это *моя* жизнь. И только *я* могу решать, остаться мне или нет.

Мой протест срывает все маски с Егора, оставляя лишь голую, пугающую правду – его одержимость мной. Тёмную и древнюю, как этот мир. Как рефлексы, которыми мы не управляем.

— Жизнь в долгах, в страхе, в бесконечной погоне за копейкой, в попытках выжить – ты про эту *свободную* жизнь? Я ничего не упустил? — сердито тянет Аид.

Его голос – плеть, безжалостно хлещущая меня, чтобы наказать. Или поставить на место.

— Это *моя* жизнь! Такая, какая есть! — кричу я, размахивая рукой перед его лицом. — И я её не выбирала! Не всем повезло родиться с золотой ложкой во рту, как тебе. А ты украл у меня даже это, лишив выбора! Заменил мою жизнь красивой, золотой, но клеткой.

— Какая ужасная клетка! — Иронично оскаливается Аид. — То ли дело *свободная* жизнь, где тебя может избить, про-

дать или изнасиловать любой ублюдок вроде Антона! — повышает голос, злясь всё сильнее. — Выбор – лишь иллюзия, котёнок. Как и свобода. Все мы по своей сути пленники. Кто-то пленён деньгами, кто-то мечтами, а кто-то любовью. И ты либо подчиняешься правилам игры, либо жизнь раздавит тебя, не оставив и пятна.

Такой Егор пугает меня. Настолько, что хочется сжаться в комочек или исчезнуть.

Я открываю рот, чтобы выкрикнуть: «Нет!». Чтобы до боли в горле отрицать эту чудовищную реальность, которую обрисовал Морозов. Но все слова, которые я собиралась сказать, застревают в горле.

Потому что где-то глубоко внутри, под слоями шока и ужаса, скрывается часть меня, что *уже*согласилась на золотую клетку, в которую Егор посадил меня. И ей совсем неважно, зачем он это сделал – чтобы защитить, присвоить, любить или использовать.

Она *уже*сказала «да» в пылу страсти.

Она…

*Я*чувствую себя в этой золотой клетке, как… *дома*.

Аид даже не догадывается, что в моей голове происходит борьба. Что я воюю с самой собой. И, похоже, проигрываю.

Он делает последний шаг, не оставляя между нами свободного пространства. Заполняя собой всё. Его тень накрывает меня целиком, поглощая свет из кабинета и остатки моего прежнего мира.

— У нас с тобой контракт. И пока он действует, ты никуда от меня не денешься, — хватает мой подбородок большим и указательным пальцами, задирая его. — Ты моя, Луна. И *ничто* этого не изменит.

Глава 2

Луна

Прибрежный лес поглощает меня, укрывая в тени плотно растущих деревьев.

Я бегу, не оглядываясь. Колючие ветки хлещут по рукам и лицу. Корни норовят подставить подножку. Дышать нечем. Грудь разрывает колючий ком паники и физического напряжения. Но я не останавливаюсь.

Мне знакомо это чувство – адреналин, смешанный со слепой надеждой и верой в то, что всё получится. Что удастся освободиться от невидимых цепей, от злых людей, контролирующих твою жизнь и каждое решение. Что удастся обрести свободу, которая маячит где-то там, далеко за пределами стен твоей клетки.

Впервые я сбежала из детдома в шестнадцать. Успела добраться до вокзала и даже приехать к тёте… Которая, как оказалось, совсем не ждала ни меня, ни проблем, которые я на неё навлекла своим побегом.

Тогда я в очередной раз убедилась, насколько жестоким и суровым бывает этот мир.

Вот только я, видимо, совсем не умею учиться на собственных ошибках, и раз за разом всё равно решаю довериться людям. Даю им и, главное, *себе* шанс убедиться, что

в этот раз будет иначе. Пытаюсь разглядеть в них хоть что-то хорошее.

Но они снова и снова доказывают, что доверять можно только себе.

И то не во всех случаях, как выяснилось…

Целые сутки я играла в покорность и смирение, когда Егор был рядом. Делала вид, что ничего не произошло. Сказала ему, что мне нужно время всё обдумать, прежде чем между нами состоится *серьёзный разговор*. И Морозов великодушно позволил мне побыть наедине с самой собой.

Это стало его ошибкой. Потому что на самом деле я готовилась к побегу.

Егор не собирался никуда уезжать. Я видела, как он внимательно наблюдал за мной, думая, что я ничего не замечаю. Но днём его телефон буквально разрывался от звонков. И ему пришлось уехать.

Я выждала полчаса. Потом надела самую прочную и закрытую одежду – плотные утеплённые штаны, в которых удобно передвигаться, неприметную серую кофту с тёплой подкладкой, и поверх неё накинула кожаную куртку. Волосы собрала в тугой хвост на затылке. Положила в небольшой холщёвый рюкзак цвета хаки паспорт, две пятитысячные купюры, бутылку воды и пачку чипсов. Попрощалась с Кербером, не позволив себе опуститься до сантиментов, и рванула из дома.

Телефон и банковскую карту не брала. Егор отследит лю-

бой платёж и звонок и найдёт меня, не прилагая никаких усилий. В этом он мастер.

Но теперь я знаю правила. И, чтобы побег удался, я должна нарушить их все.

Маршрут я изучила заранее. Двинулась к побережью. Но вместо того, чтобы идти вдоль него, рванула вправо, в прибрежный лес. Это самый близкий путь к шоссе, если верить карте.

План – дерьмо. Но всё же лучше, чем не иметь никакого.

Склон становится круче. Чувствуя, что появляется одышка, я прекращаю бег и перехожу на быструю ходьбу.

Под ногами хрустят ветки. Я оборачиваюсь через раз, опасаясь увидеть за спиной Егора. Хватаюсь за стволы, чтобы не упасть, когда очередная коряга, которую я в панике не заметила, подставляет подножку. Собственное тяжёлое дыхание оглушает, и я периодически останавливаюсь, вслушиваясь в каждый шорох. Но, кроме звуков леса и шума ветра, играющего кронами деревьев, не слышу ничего.

По ощущениям проходит не больше получаса, когда мне удаётся уловить шум трассы вдалеке. К этому времени уже начинают подкрадываться сумерки, окрашивая лес в зловещие сизые тона.

— Чуть не заблудилась, — выдыхаю с облегчением, привалившись к ближайшему стволу.

Ещё немного…

Я почти у цели.

Вглядываюсь вдаль. Среди деревьев маячат дорожные ограждения и полоса асфальта. Надежда, острая и болезненная, пронзает меня, открывая второе дыхание. Оттолкнувшись от дерева, я стремительным шагом мчусь к выходу из леса. Выхожу на узкую обочину и останавливаюсь на мгновение.

Мне не везёт. Шоссе пустынно в этот предвечерний час. Лишь где-то вдали ревёт мотор невидимого грузовика. И непонятно, в какую сторону он едет: ко мне или от меня.

Покрутившись вокруг своей оси, мысленно представляю карту, пытаясь понять, где я. И уже на этом этапе испытываю сложности с ориентированием без привычного навигатора в телефоне.

Чёрт…

Если я не ошибаюсь, центр города, куда мне нужно добраться, находится слева от выхода из леса.

Поправив лямки рюкзака, собираюсь идти вдоль шоссе, пока не остановлю попутку. Давя первые ростки сомнений, что поступаю правильно, делаю шаг, и… замираю.

Мне навстречу медленно, почти бесшумно, катится чёрный «Мерседес». Он едет без фар, словно призрак. А затем останавливается на обочине прямо напротив меня и включает аварийку.

И если бы не дорожные ограждения, я бы в эту же секунду рванула обратно в лес.

Как? Откуда он здесь взялся?! Только что ведь никого не

было!

Водительская дверь открывается и из машины выходит Аид. На нём лёгкий бомбер поверх чёрной водолазки, а на ногах – кроссовки, словно он вышел на пробежку.

Последнее напрягает меня больше всего.

Только не говорите, что Егор и побег мой предвидел…

Небрежно хлопнув дверью, Морозов прислоняется к капоту и, скрестив руки на груди, окидывает меня насмешливым взглядом.

— Далеко собралась, котёнок?

Сумерки прячут выражение лица Егора, и мне не удаётся понять, в каком настроении он на самом деле. Но если считывать позу – Аид забавляется. Играет со мной, словно кот с мышью, всем видом демонстрируя, что мне не сбежать.

От осознания, что меня снова водили за нос, кровь сначала стынет в жилах, а потом ошпаривает всё тело волной жгучего стыда от собственной наивности (*в который раз!*) и бессилия.

— Я думал ты выберешь маршрут попроще. Там же есть тропа, — голос Аида сильно выделяется на фоне лёгкого ветерка, шелестящего молодой листвой. — Хотела меня запутать? Хорошая попытка, Луна. Не ожидал.

Морозов насмешливо аплодирует мне, искривляя губы в ухмылке.

— Как ты так быстро нашёл меня? — вопрос, крутившийся на языке, вырывается вопреки воле.

Я делаю шаг назад, не сводя глаз Аида.

Бежать?

Или бесполезно?

— Камеры на внешнем периметре, — говорит так, словно это очевидно. — Плюс, по лесу расставлены датчики движения. Установил недавно, чтобы избавиться от браконьеров, но, как видишь, пригодилось и в твоём случае.

Морозов отталкивается от капота и делает несколько шагов в мою сторону, вынужденно останавливаясь у ограждения. Однако аура опасности, исходящая от него, меньше от этого не стала.

— Ты снова играл со мной, — говорю я, разочарованно качая головой.

Слёз нет, я их все выплакала ещё вчера.

— Я же сказал, что никогда тебя не отпущу, — понижает голос до угрожающего. — Я предупреждал тебя, что наш брак станет настоящим, как только ты скажешь «да». У тебя *был*выбор, Луна. И ты его сделала. А теперь хочешь сбежать от ответственности? Отказаться от своих же слов?

Сощурив глаза, Аид подаётся вперёд и облокачивается прямо на ограждение.

— Но… — Он делает небольшую паузу, пристально рассматривая меня с ног до головы. — Если ты на самом деле считаешь меня чудовищем, я дам тебе последний шанс. Беги, Луна. И если тебе удастся добраться до дома до того, как я тебя поймаю…

Егор снова замолкает, играя желваками на скулах. Как будто он совсем не хочет произносить то, что собирается.

— Я отпущу тебя, — припечатывает зловеще ледяным тоном, от которого мороз проносится по коже. Что в совокупности со сгущающимися сумерками нагоняет жути. — А теперь беги, Луна! И моли своего бога или вселенную, чтобы я тебя не поймал.

На долю секунды весь мир замирает. Даже птицы умолкают. Становится тихо, как в комнате со звукоизоляцией. А затем всё начинает вращаться с бешеной скоростью, словно кто-то нажал кнопку запуска на экране.

Аид не блефует.

Это не шутка. Это новый уровень игры. А её правила диктует *он*.

Сумерки сгущаются, накрывая Морозова своим невидимым плащом. Его силуэт становится сотканным из теней.

— Считаю до десяти, котёнок, — голос Аида разрезает тишину, как удар хлыста. — Дам тебе фору. А то как-то неспортивно получается. — И тут же принимается громко считать. — Один…

Я делаю шаг назад. Потом ещё один, пятясь. Егор не двигается. Так и стоит, опершись на ограждение. И, не сводя с меня взгляда, который я *чувствую* кожей, продолжает неспешно считать.

Его поза расслабленная. Даже ленивая. Но это всё притворство. Я уверена – внутри он напряжён, как пума перед

прыжком. Мой побег лишь спровоцирует его. Даст то, чего он и добивается – погони, адреналина, драйва, эмоций. Но выбора, кроме как сдаться, у меня нет. А я привыкла бороться. Особенно за свою свободу.

Поэтому, развернувшись на пятках, я мчу обратно в лес.

Первые несколько метров бегу слепо, по тому же протоптанному мной пути. Но это глупо – Егор точно знает эти места. Лучше запутать следы.

Резко сворачиваю вправо, в самую чащу, где ветви сплетаются тёмной сеткой. Неизвестность дезориентирует. Я на мгновение теряю равновесие, споткнувшись обо что-то. Не падаю только чудом. И, быстро поймав баланс, бегу дальше.

Мной движет страх не успеть добраться до дома и сильное желание победить. Отстоять своё право на свободу. На выбор. Выйти за поле шахматной доски Морозова. Но волнение сильно мешает, и я выдыхаюсь уже в самом начале, двигаясь на одном лишь упрямстве.

Шагов преследователя за спиной не слышно. Меня сопровождает только шелест листьев и хриплое дыхание, вырывающееся изо рта облачками пара. Это немного успокаивает.

Дом. Мне нужно скорее добраться до дома, —стучит в висках в такт бегу.

Вот только я даже не знаю, в какой он стороне. Я *уже*заблудилась. Мне не остаётся ничего, кроме как бежать наугад и надеяться, что повезёт.

Егор скоро догонит меня, — мелькает трусливая мысль,

вынуждающая ускориться.

Я продираюсь через заросли кустарников. Ветки деревьев, нависающие сверху, безжалостно хлещут по лицу. Некоторые из них оставляют жгучие, мокрые следы на моих щеках, но я ничего не замечаю. Бегу, словно загнанная дичь, видя перед собой одну единственную цель – добраться до убежища и выжить.

Через пять минут бега в таком темпе всё в груди начинает гореть огнём. Горло дерёт от сухости и желания сделать глоток воды. К вспотевшему телу неприятно липнет одежда. Я вынужденно останавливаюсь. Приваливаюсь насквозь мокрой спиной к шершавому стволу, кажется, сосны – в поглотившей меня темноте не разобрать – и вся обращаюсь в слух.

Стрёкот сверчков. Неясные звуки, присущие лесу. Редкий крик ночных птиц. И ни намёка на чьи-то шаги.

Хоть бы Егор заблудился…

Я выглядываю из-за дерева, пытаясь сориентироваться в бесконечно тёмном пространстве.

Надо бежать на шум моря, доносящийся издалека.

— Ещё не устала, Луна? — вдруг раздаётся откуда-то слева.

Голос у Морозова спокойный и ровный. Он даже не запыхался! Как будто не бежал за мной, а вышел на прогулку. Или просто шёл по следам, как опытный охотник.

И он ближе, чем я думала.

С трудом давлю в себе желание сорваться с места и побе-

жать, куда глаза глядят. Страх, что меня вот-вот обнаружат и поймают, опаляет грудь. Жжение стремительно поднимается вверх к горлу и застревает в нём немым криком. Дыхание становится рваным и шумным. Я прижимаю руку ко рту, стараясь реже и тише дышать, чтобы ничем себя не выдать.

— Я знаю, что ты где-то здесь, котёнок. Сдавайся, — тянет игриво.

Егор не спешит меня ловить. Его переполняет азарт, который он даже не пытается скрыть. Происходящее явно доставляет ему немалое удовольствие.

Маньяк-извращенец!

Злость пересиливает страх. Я отталкиваюсь от дерева и стартую, как заправский марафонец, сразу переходя на бег. Постоянно меняя направление, петляю между стволами, уподобляясь жалкому трусливому зайчонку.

Я понимаю, что должна сначала думать, а потом делать. Но паника выжигает мозг, оставляя одну единственную мысль, пульсирующую в голове: *бежать, бежать, бежать!*

— Хорошая тактика, — доносится откуда-то сзади.

Ещё ближе.

Егор намеренно повышает голос, чтобы я слышала его чётко и ясно. Под ногами мужчины хрустят сухие ветки, шуршит прошлогодняя пожухлая листва. И мне кажется, что этот звук окружает меня, доносясь отовсюду.

— Но тебе не убежать, любовь моя. И скоро ты это поймёшь.

Я мысленно посылаю Аида к чёрту и показываю неприличный жест, жалея, что сейчас ночь и он вряд ли его увидит.

Карма настигает меня в считанные секунды. Шаг и я поскальзываюсь на влажных камнях у ручья. Вскрикиваю и лечу вперёд, выставив перед собой руки. Готовясь упасть прямо в журчащую ледяную воду. Готовясь к боли и пронзающему холоду.

Егор ловит меня прямо на лету, не давая упасть, разбить себе колени и стереть ладони в кровь.

— Ты была близко, — хрипит он, обхватывая меня крепче. Прижимая к себе, чтобы стабилизировать нашу неустойчивую конструкцию из тел.

От облегчения, что не упала, и жуткой досады, что проиграла, хочется плакать.

Я не смогла…

Нет…

— К чему? К поражению? — издаю нервный смешок, граничащий с истерическим.

Слёзы обиды душат меня.

— Ещё триста метров и ты бы успела. Я впечатлён, — целует меня в висок, обнимая, и я чувствую, как сильно и быстро бьётся сердце в груди Морозова.

Испугался, что упаду?

Или испугался, что не успеет поймать меня до того, как я доберусь до дома?

— Отпусти! — вырываюсь, мечтая сломать что-нибудь.

Нос, например. Одному ненавистному снобу.

— Ни за что, — фыркает мне в волосы.

Я задираю голову вверх. На красивых губах Егора блуждает лёгкая, почти мечтательная улыбка. Его глаза блестят в темноте азартом охотника, который поймал самую желанную добычу.

Да он же смакует момент!

— Ты ужасен! — шиплю, ударяя его кулаками по груди. — Ненавижу тебя!

— Любишь, — заявляет с железобетонной уверенностью.

— Ненавижу! Ненавижу! — яростно выплёвываю я, пытаясь укусить Морозова за предплечье. — Ты даже представить себе не мо…

Аид резко подаётся вперёд, впиваясь в мои губы злым, жёстким поцелуем. Я вскрикиваю, а точнее протестующе мычу. Кусаю его за губу, не жалея. До крови. От неожиданности Егор меня отпускает, и я бросаюсь прочь.

Но он настигает меня в следующее же мгновение.

Сильные мужские руки обхватывают меня сзади, прижимая к твёрдой, горячей груди. Я борюсь. Брыкаюсь, пытаясь вырваться. Царапаю его. Неприлично ругаюсь, костеря, на чём свет стоит. Но Аид лишь смеётся. Тихо, низко и довольно.

— Сколько в тебе огня, — шепчет мне на ухо. Его голос вибрирует внутри, отзываясь сладким ядом, растекающимся по венам. — Горячая девочка.

— Отпусти! — огрызаюсь я, вкладывая в эти слова всю ненависть, на которую способна.

— Игра окончена, Луна. Ты проиграла.

— Это нечестно! — вою в ответ.

Морозов разворачивает меня лицом к себе. Толкает назад, вжимая в ствол ближайшего дерева своим телом, чтобы точно не сбежала. Моя спина неприятно врезается в кору. Я упираюсь ладонями в его плечи, отталкивая. Пытаясь отвоевать жалкие миллиметры пространства. *Свободы*, за которую боролась до последнего, и всё равно проиграла. Но Егор остаётся неподвижен, как скала. Только сверлит меня тёмными провалами глаз.

Бездонными. Чёрными. Притягательными.

Затягивающими в свою бездну.

— Никто и не обещал играть по-честному, — произносит он, приближаясь к моему лицу. Его руки блуждают по телу, забираясь под одежду. — Я буду бороться за твою любовь, Луна. Даже если это значит, что я буду вынужден бороться с тобой.

— Я не…

Аид не даёт мне договорить. Его губы врезаются в мои с такой силой, будто он собрался выжечь клеймо на моей душе. *Без разрешения*. Его язык вторгается в мой рот. Властно, безжалостно, смешивая наше дыхание в единое целое.

Я сопротивляюсь. Колочу Егора по плечам, по груди. Но каждый мой удар слабее предыдущего. Его напор стирает

моё сопротивление. Гасит его под ноль.

Что-то внутри меня, желающее, наконец, отпустить контроль и тревогу за свою жизнь, жаждет отдаться этому мужчине. Признать его власть надо мной. Подчиниться. И я поддаюсь этому чувству. Тянусь к Аиду. Не только телом, но и душой, ненавидя себя за эту слабость.

Эту… *зависимость*.

Мои ладони, сжатые в кулаки, разжимаются. Я впиваюсь пальцами в кожаную куртку Морозова, уже не отталкивая, а удерживая. Губы приоткрываются, впуская его язык. Отвечая на его натиск.

Меня топит горькая сладость поражения. Егор как будто чувствует это – его хватка ослабевает ровно настолько, чтобы позволить мне дышать полной грудью. Прекратив напирать, он прислоняется лбом к моему.

Я поднимаю взгляд. И впервые за всё время вижу на лице Аида не триумф, а *облегчение*. Рассматривая четкие, суровые линии плотно сжатой челюсти и тонкую складку между бровей, вдруг понимаю то, от чего внутри всё переворачивается.

Он боялся… потерять меня.

Этот суровый и циничный мужчина испугался, что потеряет обычную, никому ненужную девчонку. Сироту без роду и племени.

На языке вертится столько слов. Но я прикусываю его, вспоминая о секретной комнате, ничем неоправданном вра-

нье, о последующей слежке и играх в догонялки.

Мне нужно время, чтобы обдумать всё на трезвую голову.

На этот раз по-настоящему.

Пальцы Егора зарываются в мои волосы, сжимая их на затылке и притягивая ещё ближе. Он нежно целует уголок моих губ. Трётся носом о мою щёку, шумно втягивая воздух. И в этом жесте так легко читается отчаяние, которое я бы никогда не заметила, а может никогда и не узнала, если бы не эта идиотская попытка побега.

— Хватит на сегодня игр, — выдыхает мне в губы. Открывает глаза и смотрит на меня так, будто я – единственное, что удерживает его на этой земле.

О, боже…

Я забываю, как дышать. Но, прежде чем успеваю до конца осознать слова Егора, он внезапно приседает и одним движением закидывает меня на плечо.

Хвала Вселенной, здоровое. Иначе я бы его собственноручно придушила.

Мир переворачивается. Я ошарашенно повисаю на мужчине, словно мешок картошки. Мои руки беспомощно бьют его по спине, ноги дрыгаются в воздухе. Но на этот раз осторожно. Так, чтобы ненароком не заехать этому гаду по лицу.

— Чёрт возьми, Егор! — кровь приливает к голове. — Быстро поставь меня!

Вместо ответа Морозов с размаху шлёпает меня по яго-

дице. Не больно, но унизительно.

— Не командуй, давай, командирша, — бессовестно потешается надо мной. В его голосе отчётливо слышится улыбка. — Добыча не должна указывать охотнику, что он должен делать, а что нет.

— Я тебе не добыча! — визжу, извиваясь. Но Егор держит крепко, одной рукой прижимая мои ноги, другой – фиксируя на поясе.

И эта рука, между прочим, нагло поглаживает мою задницу.

— Упитанная и откормленная *добыча*, — довольно тянет он. — На ужин хватит.

— Придурок! — Я вцепляюсь в его куртку, чтобы не болтаться от каждого шага. — Ненавижу тебя ещё больше! Никогда не прощу!

— Прекрасно. От ненависти до любви один шаг. А прощение я с радостью буду вымаливать всю нашу долгую и счастливую жизнь.

Он несёт меня через лес, легко, словно пушинку. В какой-то момент я просто смиряюсь со своим положением, разглядывая жуткий ночной лес. От тела Егора исходит неестественно успокаивающий жар. И я с горестным вздохом признаюсь себе в том, что, несмотря ни на что, чувствую себя в безопасности *только с ним*.

Наглые мужские пальцы продолжают выписывать ленивые круги по ткани моих штанов, и это движение – собствен-

ническое, спокойное – действует на меня странно. Я должна злиться. Должна вырываться, кричать, кусаться. Бороться за свою свободу и дальше. Но вместо этого чувствую, как напряжение, вцепившееся в меня последние сутки мёртвой хваткой, медленно отпускает.

Мне вдруг становится стыдно. За свой опрометчивый побег. За то, что я даже не захотела выслушать Егора и просто сбежала. А он, вместо того, чтобы махнуть на меня рукой, не отпустил.

Я нужна ему.

Настолько, что он готов перешагнуть через себя и стерпеть любую боль, лишь бы я оставалась рядом.

Где-то в самой тёмной части моей души эта мысль отзывается эхом, от которого сжимается сердце.

Аид постоянно твердит, что никогда меня не отпустит. И сейчас, продолжая висеть вниз головой, чувствуя на своей ягодице горячую и широкую ладонь, я вдруг ловлю себя на том, что на самом деле никогда и не хотела, чтобы он это делал…

Глава 3

Луна

Егор поднимается по ступеням террасы. Не сбавляя шага, заносит меня в дом. Я болтаюсь на его плече, как трофей. Добыча, на которую мужчина заявил права.

Но самое ужасное – мне это начинает нравиться.

Никто не боялся потерять меня. Никто не бегал за мной, не искал, не следил, не волновался, не заботился. Не был внимателен до одержимости.

Никто и никогда не хотел меня настолько сильно.

И… это кажется пугающе привлекательным.

В холле нас встречает Кербер. Склонив голову на бок, он рассматривает нас толи недоумённо, толи с осуждением – так сразу и не скажешь. Егор, наконец, опускает меня на пол. От усталости, скопившейся за весь этот безумный день, ноги подкашиваются.

Чтобы не упасть, я цепляюсь за края его бомбера. Морозов смотрит на это сверху вниз с тёмным, жадным удовлетворением. Растрёпанная и раздражённая, я зыркаю на него в ответ исподлобья. И по моему взгляду можно понять всё, что я думаю о нём, забегах по лесу и последующем таскании кверху задницей.

Хмыкнув, Егор невозмутимо поправляет съехавший бом-

бер (как будто не он только что преследовал свою жену, словно неандерталец). И, просканировав меня с ног до головы, недовольно цедит:

— Быстро в ванную, — коротко командует он. Но, видя мою скептично выгнутую бровь, поясняет: — Ты поранилась. Нужно обработать рану, чтобы она не загноилась. Ну и помыться не мешало бы.

Я опускаю глаза, оценивая ущерб. Штанина на правом колене порвана и пропитана засохшей кровью. Вся одежда и открытые участки тела грязные. На руках царапины. А ведь до этого момента я даже не чувствовала боли из-за зашкаливающего адреналина.

— Х-хорошо, — тихо говорю я, обхватывая себя за предплечье.

От моего укуса кровь на нижней губе Егора запеклась тонким ручейком, спускающимся вниз. Но, в купе с его диким, голодным взглядом, направленным на меня, это выглядит сексуально.

Ему идёт быть *плохим*.

Боже, София… О чём ты думаешь?

— Идём. Там аптечка.

Кивнув на лестницу, Морозов пропускает меня вперёд. Ждёт.

— И… Идём? — непонимающе хлопаю ресницами.

Я медлю, застыв посреди холла. Чувствуя себя потерянной, но при этом странно, неестественно спокойной.

— Какие-то проблемы? — насмешливо уточняет он. В синих глазах напротив вспыхивают искорки.

Ему что, нравится постоянно смущать меня?

Такое ощущение, что он делает это специально!

— Представь себе, — с шипением тяну я, не желая двигаться с места. — Я не пойду с тобой в ванную!

Буря улеглась так же внезапно, как и началась, но не прошла бесследно. Не только для меня, но и для Егора. Под его глазами залегли тёмные круги, да и выглядит он не лучше меня – помятым, растрёпанным, грязным и замученным.

И всё равно притягательным до дрожи в коленях.

— Да боже мой, — набирает полную грудь воздуха и с шумом выдыхает. Запустив ладонь в белоснежную шевелюру, зачёсывает волосы назад. — Я даже рад носить тебя на руках, котёнок, но твоё упрямство иногда утомляет.

Кербер, широко и громко зевнув, «чихает» и забирается на диван, стоящий в холле. Ложится на него, складывает морду на скрещенные лапы и делает вид, будто собирается отдыхать.

Кажется, мы его достали.

Или же он разделяет мнение хозяина…

— Ты вернул меня в клетку, но это не значит, что я согласна находиться с тобой один на один в замкнутом пространстве.

Егор тут же сокращает расстояние между нами до минимального и нежно заправляет мне за ухо выбившуюся прядь

у виска. Его пальцы задерживаются на моей щеке, оглаживая скулу.

— Это твой *дом*. Не клетка. *Дом*, — повторяет с нажимом, сверля меня гипнотическим взглядом.

Потеряв дар речи, я смотрю на него во все глаза, не зная, что на это ответить.

У меня никогда не было дома: места, где тебя ждут; места, где ты чувствуешь себя в безопасности.

Словно догадываясь, о чём я думаю, он хрипло шепчет:

— *Дом*– там, где мы вместе, Луна. И неважно, что это – маленький домишко или шикарные апартаменты. Неужели ты так это и не поняла?

— Я тебе не верю, — жарко шепчу в ответ. — А после всего, — киваю в сторону кабинета, — ещё и не доверяю.

Не хочу его слушать!

Опять эти сладкие речи и лапша на уши…

— Я не держу тебя взаперти и никогда не собирался. Но сделаю всё возможное, чтобы ты не ушла. Чтобы… захотела остаться. Просто позволь мне, — проводит большим пальцем по моей нижней губе, томно глядя вниз.

Я отдёргиваю голову назад, не позволяя этому змею искусителю снова ввести себя в заблуждение.

— Идём в ванную, Луна, — тихо повторяет Егор, сощурившись. Его рука так и осталась неподвижно висеть в воздухе. — Или я сам тебя туда отнесу.

Я молчу несколько секунд, подбирая слова, чтобы не на-

грубить или не ляпнуть глупость.

— Зачем ты дал мне возможность сбежать, если не хотел, чтобы я уходила? Мог просто притащить *домой*и запереть, — при слове «домой» мой голос переполняет ядовитая ирония.

Егор опаляет меня жутким взглядом, похожим на синее пламя подземного мира, и я тут же жалею о том, что вообще открыла рот.

— Мог, — басит глухо. — Но вместо этого помог осознать, что ты *сама*не хочешь уходить. И что бежишь не от меня, а от себя, Луна, — чеканит жестко. — Ты боишься своих чувств. Не меня. Боишься того, насколько они сильные и глубокие. Боишься окунуться в них с головой. Я не чудовище, и ты это прекрасно знаешь. *Чувствуешь*. Вот только слишком упряма, чтобы признать правду и быть откровенной хотя бы с самой собой.

Откуда он…?

Мои глаза становятся размером с блюдце. Грудь ошпаривает ледяная волна цунами. Я не знаю, что это – злость, любовь, одержимость или безумие. Но это что-то настолько огромное и широкое, что не помещается в грудной клетке.

Егор не даёт мне опомниться. Не даёт разразиться новой буре.

— Пойдём.

Он берёт меня за запястье и тянет за собой.

— Сама справлюсь, — огрызаюсь я. Мой голос звучит

устало, но без прежней злости.

— Не сомневаюсь, — усмехается он. — Но, пожалуй, настою на своей помощи.

Руку я не выдираю, списывая всё на пресловутую усталость. Иду за Морозовым, не позволяя себя думать о том, что он может быть прав *даже в теории*.

Бегу от себя? Возможно. Но я не боюсь своих чувств. Меня тянет к нему, да. Но на этом – всё. После притворства, лжи и игр, ни о каких чувствах, тем более глубоких, и речи быть не может!

И скоро я докажу это не только ему, но и себе.

Прежде чем успеваю возразить, Егор снова берёт меня на руки – на этот раз нормально, как невесту – и несёт к лестнице. Я вцепляюсь в его шею, потому что сил возражать или спорить действительно нет.

Хочет таскать меня с не зажившим до конца ранением – его проблемы.

Моей решительности и пофигизма хватает на пару секунд.

Геракл, блин…

— Егор… — всё же срывается протестующее с очередным вздохом.

— Позволь хоть немного поухаживать за тобой, — перебивает мягко.

Я закрываю рот. Но только потому, что в его голосе звучит то, чего я раньше не слышала – *просьба*, граничащая с мольбой.

В ванной Морозов усаживает меня на край огромной мраморной чаши и включает воду. Пар поднимается клубами, застилая зеркала. Добавив пену, Егор поворачивается ко мне. Его руки тянутся к моей одежде.

— Я сама, — перехватываю его пальцы.

— Соня, — произносит моё имя так, что внутри всё замирает. — Побудь паинькой, ладно? Это ненадолго. Обещаю, приставать не буду.

И почему я чувствую разочарование?

София, ты ужасна!

В небесно синих глазах Егора отражаются тепло и какая-то обнажённая, пугающая нежность. И я неохотно, будто предавая саму себя, киваю. Выпускаю его руки из захвата, позволяя сделать то, о чём он просил – позаботиться обо мне.

Егор раздевает меня бережно и аккуратно. Стягивает грязную куртку, мокрую кофту, скидывая всё на пол кучкой. Когда его пальцы касаются разорванной штанины, он весь каменеет и с затаённым сожалением проводит по коже вокруг ранки. А посмотрев на мои исцарапанные руки, с силой зажмуривается и стискивает челюсть.

— Прости, — шепчет тихо, едва слышно.

На секунду моё сердце перестаёт биться, запечатляя это мгновение на подкорке.

— За что ты… просишь прощения?

— За то, что позволил этому случиться.

Егор поднимает на меня взгляд, и в нём столько злости на самого себя, что у меня перехватывает дыхание.

— За боль, которую ты испытала. За то, что не предусмотрел, не успел вовремя. За то, что поддался своим желаниям, вопреки логике и здравому смыслу.

— Ты и не должен был… — лепечу растеряно.

Он на самом деле винит себя за то, что не просчитал все риски?

Так это же просто нереально!

— Если бы я не устраивал брачные игры, — бескомпромиссно произносит он со злой усмешкой на красивых губах, — ты бы не поранилась. Это моя вина.

— Егор, — с ужасом выдыхаю я. — Ты не виноват. Ты человек, а не робот. Никто не может предвидеть *всё*. Да я и сама тоже хороша… Убежала, вместо того, чтобы поговорить, — стыдливо прячу глаза.

Морозов с особой осторожностью стаскивает с меня джинсы, и я остаюсь перед ним в одном нижнем белье. Ни капельки не изящном. Обычном, спортивном. Дрожащая от нервного переутомления.

А может и от его взгляда…

Егор смотрит на меня, как на святыню. Как на чудо, которое боится спугнуть, дотронувшись или произнеся хоть слово. Благоговейно и с обожанием. С нежностью и такой любовью, что грудь сдавливают тиски.

— Я обработаю рану, — хрипло произносит он, поднима-

ясь.

Я сглатываю. Вязкая слюна дерёт горло.

Достав аптечку, Егор берёт антисептик и орошает им ватный шарик. Присев на корточки передо мной, принимается бережно проводить по ране, очищая.

— Болит?

Я трясу головой, как собака, недавно вылезшая из водоёма.

— Нет. Только щипает немного.

— Давай подую.

Не дожидаясь моего одобрения, Морозов наклоняется, обхватывает обеими руками под коленом и принимается дуть на ранку. Этот жест кажется интимнее секса. Я краснею до корней волос, чувствуя, как сердце сбивается с ритма и уносится вскачь.

— Раздевайся и иди в воду, — прочищает горло. Кадык на шее Егора дёргается и он, словно нехотя, отворачивается.

Без «раздевайся» хороший…

Я послушно переступаю через бортик и погружаюсь в горячую воду прямо в нижнем белье. Она обжигает, но уже спустя минуту расслабляет задубевшие мышцы, смывая грязь с кожи и усталость с души.

Удобно устроившись в ванне, на мгновение прикрываю веки. А когда открываю их, Егор уже стоит рядом. Он обнажён до пояса, и я снова вижу татуировку в виде молний, перекрывающую шрам после аварии.

Ловлю себя на том, что хочу провести пальчиками по кубикам идеального пресса, по линиям татуировки, и с силой сжимаю ладони в кулаки. Радуюсь, что пена не позволяет мужчине увидеть момент моей слабости – рука ведь дёрнулась, подчиняясь порыву, я остановила её на полпути.

Не замечая моих терзаний – а может, намеренно делая вид, что не замечает – Егор садится на широкий бортик ванны. Опускает руку в воду и касается моего колена.

— Глупая, — бормочет он, промывая ранку. — В следующий раз просто скажи, что хочешь побегать. Я составлю компанию. Присмотрю за тобой.

Каждое движение его пальцев сопровождается горячей волной, растекающейся вдоль позвоночника и обостряющей все ощущения. Между ног начинает ныть. Соски встают торчком, натягивая ткань спортивного лифа под водой. И я вновь благодарю небеса, что пена укрывает меня пушистым одеялом по самую шею.

— В следующий раз? — Усмешка выходит нервной. — Думаешь, я не оставлю попыток сбежать?

— Конечно, — отвечает так просто, будто обсуждает со мной, что сегодня будет на обед. — Чую, ты ещё побегаешь от меня. И не раз.

Пальцы Егора гладят мою кожу под водой. Поднимаются выше, к бедру. Но останавливаются на полпути, не переходя невидимую границу.

— Ты хотела знать правду, — его голос разливается по

ванной бархатистой мягкостью. — Я буду предельно откровенен и честен. Но сначала пообещай, что дослушаешь до конца, и только потом будешь делать выводы.

— Обещаю, — без колебаний отвечаю я, завороженно глядя на Морозова. И в который раз отмечая, насколько он красив.

Как греческий Бог, по ошибке попавший на нашу грешную Землю.

Пар, поднимающийся над водой, привлекает внимание мужчины. Он топит в нём задумчивый взгляд, размышляя с чего начать. Я не тороплю. Подтянув к себе колени, кладу на них подбородок.

Мне очень интересно, что Егор собирается рассказать. Это как подглядеть за чужой жизнью, посмотреть фильм или прочитать книгу.

Лицо мужчины в полумраке ванной кажется высеченным из камня. А голос, когда он начинает говорить, звучит иначе. Не как у Аида, – властный, жёсткий, рокочущий, – а как у мальчишки, который впервые признаётся в любви.

— Это случилось год назад…

Глава 4

Аид

Год назад…

Солнце слепит нещадно. Июнь в этом году выдался на удивление жарким, и даже кондиционер в машине едва спасает от липкого, изнуряющего зноя, который просачивается сквозь тонированные стекла.

Я опаздываю на встречу с Колесниковым. Старый лис опять что-то задумал, и мои люди уже неделю докладывают, что он мутит воду с поставками из Азии. Встреча назначена в "Гран Крю" – заведении на набережной, которое он выбрал лично. Наверняка, чтобы выбить меня из колеи своей показной демократичностью.

Плевать. Я играю только по своим правилам.

Паркую тачку у обочины и выхожу под палящее солнце. Рубашка неприятно липнет к спине, и я уже ненавижу этот день, эту встречу и Колесникова лично. Телефон вибрирует в кармане – помощник скинул обновленные данные. Я читаю на ходу, почти не глядя по сторонам.

«*Колесников отменил встречу. Сослался на срочные дела. Переносит на завтра*».

Я останавливаюсь посреди тротуара, чувствуя, как желваки на скулах начинают играть от злости.

Старый ублюдок просто трепет мне нервы. Или тянет время, чтобы потом диктовать свои условия. В любом случае, ехать назад в офис нет смысла. Я уже *здесь*. Можно выпить чашку паршивого кофе, который здесь подают, и ещё раз просмотреть документы.

Толкаю стеклянную дверь "Гран Крю". Внутри прохладно. После палящего зноя и духоты это ощущается, как глоток свежего воздуха. Яркий аромат кофейных зёрен, корицы и ванили ударяет в ноздри. Народу немного: пара пенсионерок у окна и студент с ноутбуком в углу.

Отлично. Хотя бы пару минут посижу в тишине.

Я подхожу к стойке, даже не глядя на бариста. Уткнувшись в телефон, разбиваю чаты по важности и срочности: кому ответить сейчас, а кому в свободное время.

— Добрый день! Готовы заказать или вам помочь с выбором?

— Здравствуйте. Двойной эспрессо, — заказываю то, что есть в любой кофейне, и что позволит мне бодрствовать ещё какое-то время без мучений.

— Может, хотите что-то ещё? Круассан, панкейки, синнабон?

Девушка на автомате повторяет заученные фразы, позволяющие сделать продажи. Я бы и рад ей помочь, но сладости – не про меня. Вот если бы она предложила мне стейк средней прожарки, я бы точно задержался.

— Нет, спасибо. Только кофе.

— Хорошо. Картой, наличными?

— Картой.

Девушка протягивает мне терминал, дожидается оплаты и отдаёт чек.

— Ожидайте, заказ скоро подадут.

Я киваю, открывая новостной канал. Сажусь за ближайший свободный столик, не прекращая хмуриться – ситуация с Колесниковым начинает раздражать.

Нужно максимально вежливо намекнуть ему, что *так*дела не ведутся.

Из размышлений меня вырывает чей-то голос. Звонкий, приветливый, с нотками искренней улыбки. Я поднимаю глаза и...

Мир останавливается.

Солнечный зайчик падает на бледное лицо девушки-официантки. Её кожа будто светится изнутри. Она улыбается – живо, искренне, тепло, – заверяя растерянных старушек у окна, что всё в порядке. В её руках поднос, на котором лежит опрокинутый стакан с латте. Кофе разлился карамельной лужицей, но она всё равно смеётся заразительно и открыто, чтобы женщины не расстраивались из-за собственной неуклюжести.

Меня словно молнией шарашит:

Этоона.

Я не знаю, кто эта девушка. Не знаю, как её зовут. Не знаю, откуда она. Но с той же уверенность, с какой знаю, что завтра

взойдёт солнце, понимаю – это она.

Моя Луна.

Та единственная, кому под силу осветить любую тьму.

— Что вы! Я сама виновата, простите! Сейчас, подождите секундочку, я всё уберу.

Девушка с тёмной косой до поясницы резво несётся к стойке. Убирает поднос, хватает тряпку и возвращается к старушкам, наводя чистоту за считанные секунды.

— Вот и всё. Сейчас принесу вам новый заказ и комплимент от заведения.

Я смотрю на прекрасное видение, как завороженный. На её глаза, так напоминающие небо в ясную, солнечную погоду. На ямочки, появившиеся на щеках от широкой улыбки. На то, как она поправляет выбившуюся из косы прядь, заправляя её за ухо. И не могу отвести взгляд.

— Двойной эспрессо, — вторая официантка ставит передо мной кофе.

— Спасибо, — произношу хриплым, чужим голосом на автомате, продолжая наблюдать за девушкой, порхающей на противоположной стороне кофейни.

Мой мир всегда казался мне чёрно-белым. Отец учил, что бизнес – это поле боя. Люди – ресурсы, пешки. Любые отношения – лишь сделка для достижения цели. И только мама была той, кто учил меня чувствовать. Видеть мир иначе. *Доверять*этим чувствам, не только логике. Благодаря ей, мир обретал краски и был*живым*.

Отец любил её. Так он утверждал. Так я думал. Потому что только рядом с мамой папа становился мягче. Только рядом с ней он, пусть и редко, но улыбался. По-настоящему. Тепло и счастливо.

А потом мама умерла и всё резко изменилось. Мир замер, навсегда оставшись чёрно-белым.

Отец не спас маму, хотя говорил ей, что любит. Его не было рядом, когда она умирала. Он запретил мне оплакивать её. Велел жить дальше. А через месяц женился на другой.

Кто-то бы сказал, что мой мир рухнул в тот момент. Но нет. Мой мир просто исчез. Перестал существовать. Я больше не чувствовал себя его частью.

А ещё я перестал чувствовать *хоть что-то*. Внутри меня поселилась пустота. Не звенящая или оглушающая, а тихая, безразличная, холодная и одинокая. Я сходил с ума от невозможности испытывать эмоции. Ни радости, ни счастья, ни гнева, ни боли, ни страха.

Ничего.

Больше не было удовольствия от звучания мелодий, которые ты придумал сам. Написание картин, живущих в твоей голове, не приносило радости. Маленький щенок с бантом на шее, которого родители подарили тебе на день рождения, вырос и стал твоей мрачной тенью. Встречи с друзьями не приносили облегчения.

С тех пор я начал ходить по грани.

Прыгал с парашютом. Занимался альпинизмом. Сёрфил

на больших волнах. Но… Это не помогало.

И только потом я нашёл единственное увлечение, которое на краткое мгновение возвращало меня к жизни – *гонки*. Подпольные. Тайные. Запретные для наследника бизнес империи Морозовых. И доступные *Аиду*.

Риск, скорость, дикий адреналин, игры с опасностью – я подсел на это.

Но со временем и эти эмоции побледнели.

Я начал искать удовольствие в сексе, постепенно подбираясь к корню проблемы. Встречался с разными женщинами – красивыми, умными, успешными. Занимался с ними тем, от чего у многих волосы дыбом встанут. Но ни одна из них не заставляла моё сердце биться быстрее. Ни одна не будила во мне *желание*. Не говоря уже о желании бороться, завоёвывать, присвоить. Ни одну я так и не смог *полюбить*.

Я уже начал думать, что со мной что-то не так. Что я просто не способен на это чувство. Что я – пустой сосуд. Что бесчувственность отца передалась вместе с кровью. Я ненавидел его. Ненавидел себя. Ходил по психологам и психотерапевтам, решив, что болтовня и попытки излить душу мне помогут.

А потом, проснувшись как-то ночью, увидел полную луну, и почему-то вспомнил детство.

Мама любила рассказывать мне сказки, когда я не мог заснуть. Но одна запомнилась мне больше всех. Она была необычной и очень сильно отличалась от тех, которые пока-

зывали по телевизору.

В ней у злодея тоже был хеппи энд.

Когда герой победил, злодей остался совсем один, запертый в тёмном подземелье. И заключённый и страж в одном лице. Он бесконечно и бесцельно бродил вдоль тоннелей наощупь, живя без единой капельки света. Как вдруг появилась она – *Луна*.

Она сама пришла к нему. Светила сквозь тьму. Освещала путь. И всегда была рядом.

И тогда я понял, чего мне не хватает.

Любви.

Той, кто будет освещать эту тьму внутри меня.

Я поклялся себе, что женюсь только на той, без которой не смогу дышать. И что никогда не стану таким, как отец.

Я не верил в любовь с первого взгляда. Даже представить не мог, что хватит секунды – одной мимолётной секунды – чтобы я потерял голову, дар речи и рациональность, привитую мне с детства.

И вот он. Тот самый миг.

Она просто разлила латте. Просто рассмеялась, и мир обрёл краски. Начал *дышать*.

Моя Луна.

Наконец-то я нашёл тебя…

— Добро пожаловать! — приветствует она, переключаясь со старушек на следующего посетителя.

А я так и сижу с этой чёртовой чашкой двойного эспрессо,

не видя вокруг никого, кроме неё.

В горле пересохло, и я делаю глоток.

Кофе отвратительный. Горький. Но я всё равно пью его, запоминая каждую деталь этого дня. Каждое ощущение. И девушку, так остро и внезапно врезавшуюся мне в душу. Ворвавшуюся в мой мир и оживившую его одним своим присутствием.

Она двигается грациозно, даже когда просто протирает стойку. Улыбается каждому посетителю, но по-настоящему – только когда общается с пожилой парой, которая заходит за капучино. Она знает их заказ. Помнит, что женщина любит с корицей, а мужчина – без. Что они предпочитают два круассана с клубникой и место за столиком у окна в самом углу, обособленно от всех.

Она добрая. Настоящая. Живая. И я бы мог наблюдать за ней весь день. Всю ночь. И так по кругу до бесконечности.

Но я не зову её под предлогом заказа. Не пытаюсь познакомиться. Потому что я – это я. Со своей тьмой. Со своей одержимостью, которая прямо сейчас пускает корни в моей груди.

Я не имею права просто подойти к ней и поглотить весь свет, который она источает. Прямо сейчас я не могу дать ей того, чего она заслуживает – мужчину, умеющего любить *правильно*.

Поэтому я допиваю свой кофе и ухожу.

Но с этого дня не могу думать ни о чём, кроме моей Луны.

***

Через неделю у меня на столе лежит целое досье. Я узнал о Луне всё – своими руками собирал информацию о ней по крупицам из самых разных источников. Дотошно, с усердием заядлого сталкера.

Белова София Андреевна. Семнадцать лет. Неполное среднее образование. Сирота. Потеряла обоих родителей в десять лет – поножовщина. После воспитывалась в детском доме 4 до шестнадцати. Были три попытки побега. В приёмные семьи не устраивалась. После побегов стояла на учёте.

По достижении шестнадцати лет получила одобрение на эмансипацию в связи с трудовым договором. В данный момент работает в "Гран Крю" официанткой, дополнительно подрабатывает курьером и иногда заменяет бариста в той же кофейне. Живёт в общежитии. Есть подруга – Савина Екатерина Олеговна, которая воспитывалась с Соней в одном детском доме.

Я перечитываю это, и в моих венах вскипает кровь.

От «*проблемной Софии*» просто избавились.Органы опеки не должны были так легко одобрять эмансипацию шестнадцатилетней, совершенно неготовой к жизни девочки! Но сделали это без зазрения совести – по закону ведь не запрещено, – чтобы не иметь дел с последствиями её слишком самостоятельного и свободолюбивого характера.

На мгновение прикрываю глаза и делаю глубокий вдох и длинный выдох, чтобы успокоиться. Чтобы не сорваться к Луне прямо сейчас и не заявить ей, что с этого момента она будет находиться под моей защитой. Что я помогу ей со всем. Что ей больше не нужно упахиваться на дополнительных сменах, просто чтобы оплатить комнату в общежитии и скромно покушать.

Я гашу свой порыв по одной простой причине – Соня не только не примет мою помощь, но и задаст вполне резонные вопросы: «*Ты кто, мать твою, такой, чёрт возьми?! И что тебе от меня надо?*».

И вот на это у меня точно не найдётся достойных аргументов.

Порыв благородный. Искренний. Но мои мотивы могут извратить и выставить всё в неприглядном свете. А ведь я просто хочу помочь. Так же, как помогаю детям с различными патологиями через благотворительный фонд.

Я смотрю на фотографии, сделанные моими помощниками. Вот Соня в парке, ест мороженое. Вот она грустная, сидит на скамейке у общежития. Вот смеётся с подругой в кафе.

И каждый такой снимок – удар под дых.

Соня абсолютно одна в этом мире. Тянет всё на себе и не жалуется. Не сдаётся.

Мой маленький борец.

И в этот самый момент я понимаю, что пропал окон-

чательно. Что не просто влюбился в незнакомку с первого взгляда… То, что пряталось глубоко внутри меня, сражено наповал и теперь намертво привязано к этой девушке.

Как будто два кусочка, разделённых и потерянных когда-то давно, стали, наконец, единым целым.

Плевать, что прямо сейчас я не могу быть частью её жизни. *Реальной* частью. Ничто не мешает мне стать её *тенью*. Тенью, которая позаботится и поможет. Да так, что Соня даже не будет об этом догадываться.

Я подарю ей мир, в котором не нужно будет бороться в одиночку. В котором кто-то, пусть пока и невидимый, *всегда* будет на её стороне.

И с того дня я начинаю понемногу оплетать маленький мирок Луны своей сетью.

Сначала просто наблюдаю. Смотрю издалека. Потом становлюсь смелее и уже изредка заглядываю в «Гран Крю». Сажусь за дальний столик и заказываю тот самый отвратительный кофе, который стал ассоциироваться с нашей первой встречей. Прошу администратора, чтобы меня обслуживала другая официантка. А сам наблюдаю за тем, как Соня работает. Слушаю смех, который она дарит *не мне*…

И понимаю, что завидую им.

Дальше – больше.

Я начинаю спонсировать «Гран Крю». Обязую владельца кофейни выплачивать Соне премии. Вижу, как она радуется каждой копейке, выплаченной ей за сверхурочные, перера-

ботки и усердие. И чувствую, как моя зависимость от Луны и её эмоций с каждым днём крепнет всё сильнее.

Я становлюсь жадным. Хочу, чтобы Соня улыбалась только мне. Чтобы бросалась мне на шею так же, как Савиной, в их редкие встречи. Чтобы её глаза при взгляде на меня блестели так же, как в моменты, когда она погружена в чтение своих любимых книг.

Постепенно я узна*ю* почти все её привычки.

Луна любит чай и терпеть не может кофе. Уютно устраивается на подоконнике во время грозы и читает электронные книги со своего старенького телефона. Избегает замкнутых пространств.

Как-то Соня делится с Катей, что мечтает увидеть море.

Она никогда не была на море.

Эта мысль преследует меня.

У меня есть яхта и дом на побережье. Я могу в любой момент сорваться на Мальдивы. А она, девушка с солнечной улыбкой и смехом, напоминающим перелив колокольчика, никогда не видела, как закат разливается по морским волнам.

Жестокая несправедливость…

Обещаю, что исполню все твои мечты, Луна.

И принесу весь этот чёртов мир к твоим ногам.

***

Спустя три месяца я знаю о Соне всё. И ничего. Потому

что так и не нашёл предлог, чтобы стать полноправной частью её жизни.

Я так и остался тенью. Но мой голод никуда не делся.

Он растёт и крепнет.

Меня мучает то, что я до сих пор не знаю, каково это – коснуться её. Губ. Рук. Услышать звучание своего имени из её уст. Увидеть, как её глаза загораются при виде меня.

И не смогу.

Как бы сильно я ни хотел стать частью жизни моей Луны, есть много «но», которые имеют под собой весомые основания.

Соня должна *сама*выбрать меня. Добровольно. Я уничтожу её свет, если поддамся тьме, что живёт внутри меня, и посажу в клетку. Чтобы и дальше светить так ярко, Луна должна оставаться свободной.

А ещё ей необходимо подрасти.

Но потом я узнаю про Антона.

Мои люди докладывают: на Соне висит крупный долг, который остался после смерти родителей, и она выплачивает его некоему ублюдку.

Если хочешь сделать что-то хорошо – сделай это сам. Это правило не раз выручало меня. Поэтому в тот же день я выхожу на Антона Круглова. Назначаю ему встречу. Но перед этим заезжаю в банк, чтобы снять наличку.

В тот же банк, в котором прямо сейчас сидит моя Луна и гасит задолженность за месяц.

Я каменею, когда вижу, как Соня выходит из здания и беззвучно плачет. Остановившись в уголке, пряча ото всех свою слабость, она прижимает к груди потрёпанную сумку, и пытается бороться с рыданиями. Пытается успокоиться, украдкой вытирая крупные слёзы, катящиеся по щекам.

А я просто вынужден стоять и смотреть на это.

Не имея возможности подойти… Не имея возможности обнять и утешить…

Сняв деньги, сажусь в машину. Сжимаю руль так, что кости трещат.

Я всё решу, Луна. Больше ты не будешь плакать.

Разве что только от счастья.

Обрюзгший, мерзотный даже на вид кредитор по имени Антон, уже ждёт меня в неприметном кафе. Этот моральный урод намеренно помогал родителям Сони утонуть в долгах. И теперь тянет последнее с бедной девушки, не испытывая насчёт этого никаких угрызений совести.

А ведь Соня не имеет к этому никакого отношения.

С отвращением швыряю чемодан на стол, не заботясь о том, что люди будут шептаться, а может даже и снимать всё на камеру, увидев меня здесь.

— Вот твои деньги. Подписывай документы и полностью аннулируй долг Софии Беловой.

— Надо же. Сам Егор Морозов соизволил почтить меня своим присутствием, — оскаливается, демонстрируя пожелтевшие зубы. — Признаться, не ожидал.

— Подписывай. У меня мало времени.

— Конечно-конечно.

Я не сажусь за стол. Жду, пока Круглов подпишет все бумаги, поправляя запонки на рукавах пиджака.

— Могу полюбопытствовать? — Протягивает мне документы, доказывающие, что долг Сони полностью погашен. — Чем же обычная сирота заслужила ваше внимание и помощь?

Я забираю бумаги. Смотрю на это ничтожество так, что он весь съёживается под моим взглядом и переводит всё в шутку:

— Понял. Не моё дело, — разводит трясущиеся руки, неестественно улыбаясь.

— Чтобы я больше не видел тебя рядом с ней.

Глава 5

Аид

Месяц назад…

Вечеринка в самом разгаре. Особняк гудит, как пчелиный улей. Звон бокалов и приторно-сладкие звуки джаза разносятся по всей территории. Гости – пустышки в дорогих костюмах и платьях – фальшиво улыбаются друг другу, обсуждая сделки и мелкие интрижки.

Как же меня тошнит от всего этого…

Разогнать бы всю эту расфуфыренную толпу к чертям собачьим.

Клоунада. Да. Но на самом деле она нужна *мне*для того, чтобы заткнуть пустоту в груди. Ну и для поддержания имиджа, конечно.

Я прячусь на террасе за домом – Инга будет искать меня здесь в последнюю очередь. Ведомый непонятным предчувствием и тоской по Луне, иду к роялю. Сажусь, ощущая, как сердце бьётся чаще при мысли *о ней*. Пальцы привычно ложатся на клавиши и из колючего комка чувств, застывших в груди, рождается мелодия. Печальная и надрывная. Я даже не знаю, что играю – просто выплёскиваю тоску, которая скопилась за весь этот год.

Целый год без неё.

Год, в течение которого я знал каждую деталь *её*жизни, но не имел права коснуться – только наблюдать издалека. Год, когда я смотрел на фотографии *с ней*и до безумия желал быть рядом. Год ожидания, мучений и раздумий о том, как подстроить всё так, чтобы наша встреча выглядела естественной.

Я запретил себе приближаться. Запретил интересоваться её жизнью сверх необходимого. Дал ей свободу, но сделал только хуже – моя одержимость ею выросла до немыслимых масштабов. И теперь я хочу лишь одного – запереть Луну в своём доме и не выпускать, наслаждаясь всем тем, чего лишил себя когда-то.

Бороться с этим уже просто невыносимо.

Запрокинув голову, закрываю глаза. Позволяю мелодии унести себя в те редкие моменты, когда я видел Соню вживую.

В кофейню, где она улыбалась, разнося заказы. В парк, где она кормила голубей возле пруда, поросшего тиной. В городскую библиотеку, где она думала, в какой университет или колледж поступить.

Моя девочка. Моя Луна.

Которая даже не знает о моём существовании…

Чужое касание – неожиданное, словно выстрел – вынуждает меня оборвать мелодию.

— Пожалуйста… — надрывный, сбивчивый шёпот. —

Помогите.

Открыв глаза, я поворачиваю голову и… не верю тому, что вижу.

Похоже, я окончательно свихнулся.

Это не может быть правдой.

Я слишком долго ждал. Слишком долго представлял момент нашей встречи. Настолько, что разум решил надо мной поглумиться.

Вот только… Это не плод моего больного воображения.

Это судьба.

Соня настоящая.

Я вижу, как дрожит её подбородок. Как она сжимает лямку потрёпанного рюкзака. Как переводит дыхание, пытаясь успокоиться. И чувствую холод её ладони даже через ткань рубашки.

Луна. Моя Луна. Здесь. В моём доме. Вцепилась в мою руку так, будто я – единственная надежда на спасение. Она вся – воплощение хаоса и отчаяния: рваные джинсы, старая куртка, спутанные *обесцвеченные, коротко стриженые* волосы, исцарапанные руки. Глаза огромные – размером с монету, полные ужаса.

Моё ледяное и бесчувственное сердце пропускает удар.

Я дал ей (*и себе в первую очередь*) неделю.

Целую неделю не следил за ней. Не проверял, как она. Не читал отчёты. Делал всё, чтобы сдержать свою одержимость. Своё ужасное и неправильное желание похитить и присвоить

эту девушку *себе*.

И вот оно – наказание.

Стоило оставить мою маленькую, драгоценную Луну без присмотра и кто-то уже попытался ей навредить.

Убью.

Время растягивается, замедляясь. И смысл её слов доходит до меня не сразу:

«*Пожалуйста… Помогите!*» — отзывается эхом в другой части разума. Анализирующей обстановку и пребывающей в реальности.

Я так долго ждал этого момента – когда смогу увидеть Соню так близко, когда почувствую её первое касание, когда рассмотрю её красивые глаза – что теперь не могу заставить себя пошевелиться.

Вдруг я всё же сошёл с ума?

Не хочу, чтобы Луна исчезала…

Ступор, шок – вот что со мной случилось. И, как добивка – лава, растекающаяся от того места, где её пальцы продолжают впиваться в моё предплечье.

Её *не должно* быть здесь.

Почему она здесь?

Как она здесь оказалась?

Мозг работает со скоростью процессора. Но к нам уже бежит охрана. И это простое действие, не вписывающееся в мои фантазии о Луне, становится окончательной точкой в понимании: происходящее – *реальность*.

Я поднимаюсь, пытаясь заставить своё деревянное тело слушаться, и одним, слишком естественным движением, притягиваю Соню к себе.

Чёрт…

Это…

Поверить не могу…

Такая маленькая… хрупкая… нежная…

Луна напрягается. Её сердце колотится, как ненормальное, с силой ударяясь о рёбра на моём боку. От неё пахнет по*т*ом, землёй и почему-то розами.

— Простите, Егор Александрович... Не уследили, — подбегает Андрей, извиняясь на ходу.

Обычно за такие оплошности я увольняю без суда и следствия.

Но не сегодня.

— Не страшно, — мой голос звучит ровно, хотя внутри всё горит и жжёт, опаляя грудную клетку. — Она со мной.

Андрей, который явно не ожидал такого снисхождения с моей стороны, выпучивает глаза. Но спорить не смеет. И, кивнув, отходит в сторону, пряча облегчение во взгляде.

— Свободен, — бросаю ему на ходу, а сам веду Соню в дом.

Луна сама пришла ко мне. Нашла меня.

И с этой минуты я сделаю всё, чтобы она больше никогда меня не покинула.

***

Настоящее время…

Я возвращаюсь в настоящее. В ванную, где Соня сидит в воде, слушая мой рассказ с открытым ртом. При виде её широко распахнутых глаз и неприкрытого шока, плавающего на дне сине-зелёной радужки, не могу удержаться от понимающей ухмылки.

Я бы тоже *охренел*. Мягко говоря.

— Не стану скрывать, я каждый день благодарю судьбу за тот случай, — заполняю возникшую тишину. — Но никогда не прощу себя за то, что не защитил тебя, когда…

Я замолкаю. В горле пересыхает от ярости.

Делаю судорожный вдох и резко выдыхаю. Рукой тянусь к шраму над левой ключицей этой хрупкой, но храброй девушки. Мягко провожу по нему кончиками пальцев, мечтая стереть не только его, но и все ужасные воспоминания Сони, связанные с ним

— Та неделя, когда я считал, что поступаю правильно, обошлась нам слишком дорого…

Луна не даёт мне закончить мысль.

— Не могу поверить, что ты врал мне с самого начала! — Вместо слёз в её глазах вспыхивает гнев. — Ты мог просто рассказать мне обо всём, но вместо этого…

Она трясёт головой, не в силах поверить. Не в силах *осознать*случившееся до конца. Я не только вижу, но и *чувствую*, как Соня по-новому смотрит на всё, что происходило

с момента нашей встречи. Как анализирует каждую мою мимолётную фразу и действие, наконец, понимая, *что*за этим скрывалось.

Ей нужно время, чтобы успокоиться, разложить всё по полочкам и принять правду. Всю. Без прикрас и недомолвок. Раньше Луна видела только то, что ей *хотели*показать. Я же поднял её на высоту птичьего полета, и теперь она узрела всю картину целиком.

Это не просто шокирует. Это рвёт шаблоны и твой привычный мир на лоскуты, показывая, что за декорациями прятало нечто иное. Чуждое. Непривычное. И чтобы не просто осознать, но и *принять*новую реальность должно пройти достаточное количество времени.

Представьте, что вы всю жизнь жили со знанием, что земля круглая, а тут кто-то внезапно говорит вам, что она плоская или квадратная. И что на самом деле мы все – пришельцы, просто забыли об этом.

Поверите ли вы в эти бредни с ходу, даже с учётом того, что вы сами стали свидетелями сказанного накануне?

Нет.

Ваш мозг попросту станет отрицать это, потому что не может объять всё и сразу. Не может отказаться от шаблонов в ту же секунду. Ему обязательно нужно время, чтобы перекроить всё и принять новое. Неважно что: мышление, мировоззрение, реальность или себя.

— Хочешь сказать, если бы я с самого начала выложил

все карты, ты бы мне поверила? — Фыркаю, заражая Соню своим скепсисом. — Как ты себе это вообще представляешь?

Она молчит, переваривая сказанное. И я начинаю кривляться, чтобы её рассмешить.

— Привет, Луна, меня зовут Егор Морозов, — делаю голос тоньше, выкручивая абсурдность ситуации на максимум. — Я следил за тобой целый год, потому что влюбился с первого взгляда, как мальчишка. И пусть ты совершенно случайно оказалась в моём доме, я больше ни за что не отпущу тебя. И знаешь почему? А?

Я вскидываю брови, наклоняясь поближе к своей жене, которая в этот момент выглядит слишком мило. Так мило, что мне приходится собрать всю силу воли в кулак, чтобы не поцеловать её.

— Что? Уже не хочешь знать, да? А я тебе всё равно расскажу почему! — Подцепляю указательным пальцем пену и мажу ей на нос. — Просто во мне спит сталкер, пускающий на тебя слюни. А ещё я веду двойную жизнь и участвую в нелегальных гонках. И вообще меня кличут Аидом. Причём не просто так!

Уголки губ Сони начинают подрагивать и я, воодушевлённый тем, что почти достиг цели, продолжаю этот театр абсурда, кривляясь и тряся башкой всё больше.

Таким Егора Морозова не видел и не увидит никто.

Никто, кроме моей Луны.

— Так-то по жизни я бесчувственный циник, но одержим

тобой. При виде тебя нахрен слетаю с катушек! Хочу посадить тебя в самую высокую башню, запереть и охранять, как дракон своё сокровище. Вот тебе кольцо. С этого дня мы женаты. Все вопросы пришлёшь мне по почте. Время рассмотрения заявки – три месяца. Жалобы и отказы не принимаются.

Не выдержав, Соня давится воздухом из-за того, что долго сдерживалась, и начинает громко смеяться, прикрывая рот ладонью.

— Ну, ты… и… дурак… — Заявляет она в перерывах между смехом.

— Детка, для тебя я стану кем угодно, — игриво двигаю бровями.

В меня летит столб брызг.

— Ах, так? — Напускаю на себя грозный вид. — Вы за это ответите, София Морозова!

С этими словами я набрасываюсь на Луну и принимаюсь щекотать её. Она визжит, уклоняется. Даже цапнуть пытается! Но я не отступаю.

Спустя пару минут мы оба с ног до головы оказываемся в пене. А вскоре и вся ванная прячется под слоем воздушных, пузырящихся «облачков», но мы ничего не замечаем. Мы бесимся, как дети малые, и не думаем ни о чём: ни о прошлом, ни о будущем. Отпускаем *всё*, позволяя себе насладиться настоящим.

В какой-то момент, я ловлю себя на том, что наши водные

забавы теряют свою невинность и становятся *взрослыми*.

Повиснув на мне, как обезьянка, Соня – намеренно или нет – тянет меня в ванну за собой, не прекращая смеяться и периодически повизгивать. Мраморная поверхность, как и наша кожа, очень скользкая из-за пены и мне приходится приложить тонну усилий, чтобы не свалиться следом и не раздавить хрупкое девичье тельце. Ржущее и уже беззастенчиво хрюкающее.

— Ты проиграл! Я одолела самого Егора Морозова! — хохочет эта ненормальная, оказавшись по уши в воде.

Подо мной, ага. *Победительница*.

Смешно морща нос, одной рукой Соня пытается стереть с лица пену и крупные капли воды, а другой обвивает меня за шею. Пытаясь потопить нас обоих, она делает только хуже.

— Ты проиграл! Проиграл! — дурачится она. — Давай же, признай это! Признай, и так и быть, я тебя отпущу!

А я, честно говоря, уже давно готов признаться в чём угодно, если это будет означать *приятное продолжение*. Соня беззастенчиво трётся об меня всем телом, не отдавая себе в этом отчёт. Её твёрдые соски то и дело касаются моего живота, вжимаются в грудь. Худенькие, но сильные ножки обхватывают торс.

Да и вообще, вся наша поза далека от приличной.

— А если я не хочу, чтобы ты меня отпускала? — хрипло произношу я, проводя рукой по её спине. Поддерживая, чтобы она не «утонула» в глубокой мраморной чаше, пред-

назначенной для двоих.

Смешинки в бирюзовых, похожих на море, глазах тут же трусливо разбегаются. До Сони, наконец, доходит, что я не каменный и вообще-то мужчина. И что все её телодвижения добром не кончатся.

Почувствовав мой стояк, она вся замирает. Приоткрывает ротик и…

Твою мать!

Она зачем-то облизывает губы.

И это после погони. После откровений. После воспоминаний о голоде и жажде, которые я испытывал по ней. После осознания, что теперь она моя. *Во всех смыслах*. А прямо сейчас – в моих руках…

— Соня, — мой голос кажется чужим.

— Не уходи, — вдруг шепчет Луна, глядя мне в глаза таким проникновенным взглядом, что изо рта вырывается мучительный стон. — Останься… Останься со мной.

И всё. Этого становится достаточно, чтобы сорвать мне тормоза и отправить в бездну, из которой я с таким трудом выползал весь чёртов день.

Глава 6

**Чтобы до конца прочувствовать вайб первой части главы, можно послушать трек: ThomasLaRosa – Screamtyname*

Луна

— Останься… — шепчу я. — Останься со мной.

Наконец-то я это сказала вслух – то, чего желаю на самом деле.

В тот же миг что-то щёлкает в его глазах. Тёмных от расширившихся зрачков, бездонных, затягивающих. Всё это время – до моего побега, в лесу, в ванной, когда обрабатывал мои царапины – он сдерживался. Но теперь его терпение лопнуло, как мыльные пузыри, окружающие нас.

Егор был нежным и понимающим. Заботливым.

До этого момента.

Сейчас я осознаю это с той же отчётливостью, с какой знаю, *чем* Аид собирается заняться со мной.

Его рот находит мой. И это уже не тот осторожный, почти благоговейный поцелуй, которым он недавно касался моих губ. Это жадность. Голод. Словно он всю жизнь только и ждал моего разрешения. Ждал, что я не буду сопротивляться, бороться или убегать.

Что попрошу его *сама*.

Я отвечаю на неистовый поцелуй мужа с той же страстью.

Как и его, меня изнутри сжигает пламя. Я не понимала этого до конца, но поцелуи в лесу, поглаживания ягодиц, пока он нёс меня на плече, и бережное промывание моих царапин не прошли даром.

И только теперь, когда язык Аида властно входит в мой рот, когда его руки сминают мокрую ткань моего лифа, сдирая его с тела, чувствую: я хотела этого не меньше, чем он.

Всё это время…

Я хотела его всё это время.

С того самого момента, как увидела его на террасе, играющим душераздирающую мелодию. С того самого момента, как он притянул меня к себе, пообещав защитить. С того момента, как впервые назвал *Луной*…

— Соня, — выдыхает Аид, отрываясь от моих губ. Пальцы вжимаются в мои бёдра, приподнимая меня в воде. — Я больше не могу быть джентльменом, — хрипит мне в губы.

Щеки растягивает невольная улыбка.

— И не надо, — отвечаю я, глядя ему в глаза. И сама тянусь к нему за поцелуем.

Поддерживая меня широкой ладонью, которая обхватывает почти всю мою спину, Аид расстёгивает пуговицу на своих насквозь мокрых джинсах. Он не раздевается полностью – это было бы сложно сделать, учитывая то, что джинсы облепили его мускулистые ноги, как вторая кожа. Лишь слегка приспускает их, высвобождая себя.

Сдвинув трусики в сторону ровно настолько, чтобы войти

в меня, он делает это. Резко и без подготовки. Грубо, быстро, почти дико. Прямо в воде.

Я вскрикиваю от неожиданности, впиваясь ногтями в сильные мужские плечи. Но мне не больно. Мне… хорошо. Так хорошо, что я теряю способность нормально дышать – дыхание становится рваным, с долгими задержками.

Егор движется неспешно, но грубо. Полностью выходя, чтобы снова войти в меня до упора. Каждый толчок вбивает меня в мраморный край ванны и срывает с губ шумный выдох. Лицо Морозова сосредоточенное, почти злое. Его глаза полыхают огнём. Но я почему-то вижу в нём не Аида. Не одержимого сталкера. Не того, кто следил за мной целый год…

Я вижу мужчину, который боится меня отпустить. Мужчину, который не может без меня дышать. Который здесь и сейчас в очередной раз доказывает мне, что его действия порой говорят больше, чем слова.

Вода выплёскивается через край вместе с пеной, обнажая наши переплетённые тела. Я с наслаждением закатываю глаза, откидывая голову назад, и позволяю себе быть просто женщиной. Любимой и желанной.

*Его*женщиной.

— Какая же ты красивая, Луна, — рычит он, сжимая мои бёдра так, что, наверное, останутся синяки. И впивается жалящим поцелуем в открытую для него шею. — Моя Луна, — шепчет едва слышно в забытьи.

Но я слышу. Потому что прямо сейчас наши сердца бьются в унисон, а души и тела переплетены в единое целое.

— Твоя, — выдыхаю я.

И на этот раз это правда, которую я приняла.

Только сейчас я увидела истинное лицо своего мужа. И приняла его. По-настоящему. Всего. Без остатка. Не осталось ни одного тёмного уголка в его душе, который был бы скрыт от меня.

Я достигаю пика первой, впиваясь ногтями в его рельефную спину. Егор кончает следом, с низким, мучительным стоном, утыкаясь лицом мне в шею. Его дыхание обжигает мою кожу, а сердце продолжает биться в такт моему.

В охватившей нас неге, мы не спешим выбираться из воды. Егор меняет нас местами, укладывая на свою грудь, и лениво перебирает пальцами мои мокрые пряди. Я же прикрываю глаза, наслаждаясь каждым мгновением, проведённым рядом со своим мужчиной. Его запах успокаивает, нас окутывает тёплый пар, исходящий от воды, и я даже проваливаюсь в дрёму.

Я не знаю, сколько проходит времени. Минута. Две. Вечность. Но вскоре ощущение *его* взгляда будит меня.

Я поднимаю голову. В синей радужке напротив тлеют угли, оставшиеся после пожара.

— Я сделал тебе больно? — спрашивает он. Его рука, покоящаяся на бортике ванной, напрягается.

Любуясь выступающими мышцами и венами на ней, ка-

чаю головой. Улыбаюсь.

Что-что, а больно мне точно не было.

— Хорошо, — выдыхает Егор, и в его голосе слышится едва заметное облегчение. — Хорошо.

— Очень хорошо… — говорю совсем не то, что собиралась сказать. И так и захлопываю рот обратно.

Лицо Морозова преображается. Светлеет. Тени снова прячутся по углам. Его чувственные губы растягивает лукавая усмешка, уже ставшая любимой.

Я вдруг понимаю, что всё это время пялюсь на Егора влюблённым взглядом, и одёргиваю себя.

Держи себя в руках, София!

А то зазнается ещё сильнее…

Из остывшей воды Егор поднимается первым. Берёт с полки сложенное полотенце и вынимает меня из ванны, заворачивая в махровое подобие пледа. После чего всё также на руках относит меня в спальню.

Я не могу отвести глаз от своего мужа: мокрый, с потемневшими белыми прядями, прилипшими ко лбу, с заживающим шрамом на плече, который он получил, защищая меня. И чувствую, как внутри – там, где недавно разрастался лёд от его обмана – начинается оттепель. Нежная и сладкая, как цветение сакуры весной.

Усадив на кровать, он тщательно вытирает меня. Укладывает. Берёт со стола пульт от умного дома. Включает дополнительный обогрев и только потом ложится рядом, притяги-

вая к себе.

Я утыкаюсь носом в грудь Егора. Вдыхаю запах, ставший мне родным – остатки парфюма, свежесть воды и его личный запах, похожий на запах дождя весной, когда зима уступает свои права сестре.

— Отдыхай, любовь моя, — говорит он тихо и целует меня в макушку. — Я буду рядом.

Я закрываю глаза и позволяю себе расслабиться. Засыпаю в объятиях мужа с мыслью:

Возможно, его одержимость мной – не так уж и плохо, как мне казалось.

***

Спустя два дня, полных покоя, безмятежности и, похожей на семейную, идиллии, мы возвращаемся в городской особняк.

Не сказать, что у меня не осталось к Егору претензий и вопросов, но я слишком устала от бесконечного выяснения отношений. Поэтому просто решаю плыть по течению. И наблюдать.

Вот только, не успеваем мы вернуться, как Егора едва ли не с порога захватывают дела: «Айрон Моторс», встреча с партнёрами, документы, которые срочно потребовал отец, и, конечно же, Антон и всё, что с ним связано.

И так как помочь я ничем ему не могу (*пока!*), выбора, кроме как оставаться в особняке, у меня не было.

Помимо Кербера, который радовался возвращению домой – здесь он чувствует себя хозяином в отсутствии хозяина, – в особняке периодически появляется бессменная домработница Ирина. И только благодаря им двоим я не вою от скуки и одиночества.

Проходит ещё несколько дней. И чем дольше я нахожусь в особняке одна, тем больше понимаю: так не может продолжаться. Пока Егор занимается бизнесом и собирает информацию об Антоне, я не должна сидеть, сложа руки. Раз уж теперь мы муж и жена не только на бумаге, я *тем более* должна соответствовать. Должна влиться в мир Егора и уметь всё то, что должна уметь жена наследника бизнес империи Морозовых.

Мне нужна помощь. И первая, кто приходит на ум, – это Елена.

Созвонившись с ней, я делюсь своими размышлениями о должном обучении, и договариваюсь о встрече.

Она радуется моему звонку и даже не пытается это скрыть:

— Конечно, приезжай! Я всегда счастлива тебя видеть, дорогая.

Заверив, что приеду в ближайшее время, тепло с ней прощаюсь. И ловлю себя на том, что улыбаюсь, глядя на экран телефона.

Жизнь налаживается!

Ещё бы муж был дома почаще… А то скоро начну ревно-

вать его к работе.

В широкие окна проникает мягкий солнечный свет. Вечер в самом разгаре. Я брожу по особняку, привыкая к новому ощущению. Оно странное – у меня никогда не было дома в привычном его понимании. Комната в общежитии, съёмные углы, детдом – всё это было временным, чужим. А теперь в моём распоряжении целый особняк.

Дом, в котором я – хозяйка.

И я совсем не знаю, как на это реагировать.

Что делать со своей жизнью сейчас, имея на руках любые рычаги, любые средства? Мужа, который исполнит любую прихоть…

С чего начать?

И я вдруг понимаю такую простую и очевидную истину, что банально не знаю, *чего хочу*. Что не умею *простожить*.

Всю жизнь мне приходилось пахать ради куска хлеба. Выживать. Прятаться от плохих людей. Быть незаметной. Сливаться с толпой…

Я всегда мечтала о свободе. Во всём. Особенно о свободе финансовой. И теперь, когда я её получила, поняла, что совсем не знаю, что с этим делать.

Не знаю, куда себя деть.

Не знаю, что мне по-настоящему нравится.

Не знаю, чего бы хотела достичь.

Не знаю, о чём мечтать *теперь*.

Если не о том, как погасить огромный долг, то о чём?

Я чувствую себя так, словно нашла книгу с самой захватывающей историей, о которой всегда мечтала, но когда открыла её, поняла, что все страницы пустые. И что теперь мне нужно заполнить их самой.

Но как это сделать, если ты никогда даже не пробовала писать?

Если ты никогда не хотела ничего *для себя*?

Какой смысл погружаться в мечты и планы о будущем, если у тебя этого самого будущего никогда и не было?

Были дни, когда я даже не знала, дотяну ли до завтра. Не то что какое-то там эфемерное будущее.

У меня *ничего*не было. И вдруг всё сразу: дом, собака, муж, родственники, недруги…

Как будто в сказку попала.

Мрачноватую, но всё же сказку.

Я сижу в холле, забравшись с ногами на диван. Пытаюсь читать книгу, но мысли постоянно уплывают. Я упорно перечитываю один и тот же абзац, и каждый раз понимаю, что никак не могу сосредоточиться: то жду, когда вернётся Егор, то вспоминаю прошлое.

Звонок в дверь разрывает тишину особняка и прерывает мои размышления. Кербер, лежащий рядом со мной, поднимает голову, насторожившись. Отложив книгу в сторону, я иду открывать, думая, что Егор вернулся.

Но обнаруживаю Ингу.

— Привет, София, — она переступает порог особняка, не

дожидаясь разрешения войти. Проходит мимо меня и оглядывается, словно что-то высматривая. — Егор дома?

Раз охрана её пропустила, то, наверное, всё в порядке?

— Нет. — Меня окатывает волной раздражения. — Он на встрече. Тебе что-то нужно?

— Отец просил передать документы лично Егору, из рук в руки, — она достаёт из сумки папку и машет ей перед моим лицом, как легальным пропуском в особняк.

В мой дом.

Несмотря на то, что Инга была той, кто сообщил мне об *особых пристрастиях* Егора, не могу сказать, что рада её видеть. И пусть она хоть тысячу раз окажется права ещё в чём-то, что касается Морозова, терпеть её присутствие *здесь* я не собираюсь.

— Можешь оставить папку, я передам её Егору, как только он вернётся.

Инга распрямляет и без того прямые плечи, окидывая меня снисходительным взглядом густо подведённых глаз.

— Я, пожалуй, подожду, когда он вернется, и отдам их сама, — натягивает приторную улыбочку на размалёванное боевым окрасом лицо.

Мы впиваемся друг в друга взглядом. И уступать никто не собирается.

— Нет, ты либо оставляешь документы, либо приезжаешь в другое время. *Днём*, — выделяю тоном, не терпящим возражений.

— Я смотрю, ты тут освоилась, — её улыбка превращается в оскал. — Мнишь себя хозяйкой? Не рановато ли?

В карих глазах Инги плещется ненависть ко мне вперемешку с горечью. И что-то ещё. Зависть? Жалость? Не разобрать. Может и то и другое.

Она осматривает меня с ног до головы. Оценивающе. Я её в ответ.

Видя меня: без макияжа, в одной футболке Егора, доходящей мне до середины бёдер, и домашних тапочках, – она презрительно морщит нос. И ей не нужно ничего говорить. Я знаю, о чём она думает:

Как он мог выбрать не меня, а эту замарашку?— так и кричит её взгляд.

Сама же Инга – образец деловой леди. Брючный костюм изумрудного цвета. Золотые серьги-кольца в ушах. Каблуки, в которых, наверное, жутко неудобно. Блестящие, прямые волосы, собранные в высокий хвост.

Ну, разве не красавица? Разве не достойная кандидатка в жёны Егору?

Месяц назад я бы, наверняка, ответила утвердительно. Но не теперь.

За этот месяц я очень сильно изменилась.

Точнее даже не я, а мои взгляды на жизнь.

Инга интерпретирует моё молчание, как слабость, поэтому кусает меня дальше:

— Ещё не узнала, каково это – быть экспонатом? — она

обводит рукой холл особняка, не прекращая ядовито скалиться. — Красивая клетка, достойный мужчина… Я тоже так думала. До тех пор пока он не вышвырнул меня, как надоевшую игрушку.

Сердце на мгновение сбивается с ритма. Дышать отчего-то становится тяжело.

Я знаю, что Инга провоцирует меня. Знаю, что Егор рассказал мне правду. Верю, что его чувства ко мне настоящие. Но слышать от его *бывшей* подобное, видеть её з*десь*, в доме, который она, возможно, считала своим…

— Аид скоро и от тебя устанет, — продолжает она. Её голос становится тише, злее. — Такие, как он, не умеют любить, Софочка, — выплёвывает, с отвращением произнося моё имя. — Они только коллекционируют. Присваивают. Изучают тебя вдоль и поперёк. А потом, когда интерес пропадает, выбрасывают!

Под конец фразы она наклоняется ко мне так, чтобы наши лица были на одном уровне. Её карие глаза мечут молнии.

— Вы-бра-сы-ва-ют! — повторяет мне по слогам, сопровождая это змеиным шипением.

— Ты ошибаешься, — говорю я, закипая от гнева. От несправедливых обвинений, которые она выплеснула в сторону *моего мужа*. — Егор не такой.

— О, правда? — она смеётся, но её смех злой и отравленный желчью. — И чем же он объяснил тебе свою одержимость коллекционера? Любовью? Судьбой?

Я вдруг замолкаю. Потому что она права.

Именно любовью. Именно судьбой.

И это делает её слова ещё более ядовитыми.

— Знаешь, — она кладёт руку с длинным и острым маникюром мне на плечо, изображая сочувствие, — я ведь предупреждала тебя. Причём неоднократно. Думаешь, я желаю тебе зла? Нет же. Как бы сильно ты мне не нравилась, – а ты мне не нравишься, София, и я это не скрываю, – женская солидарность для меня всегда будет на первом месте. Поэтому прислушайся к моему совету и беги отсюда, пока не поздно. Пока ты не увязла в Аиде с головой.

Похлопав меня по плечу, она отстраняется, выпрямившись. И складывает руки на груди.

— У нас с Егором другие отношения, — сжав челюсть, я поднимаю руку с кольцом. — Я – его *жена*, — указываю пальцем на доказательство своих слов. — Поэтому прибереги свои советы для тех, кто их просит. Я твоего мнения не спрашивала.

— Конечно, — её улыбка становится почти сочувствующей. — Ты ведь *особенная*. — Красивый смех Инги разливается эхом по холлу. — Я тоже так думала. Мы *все*так думали. Но знаешь, что говорил Аид своим игрушкам, когда они ему надоедали?

Не желая больше слушать этот бред, я открываю рот, чтобы послать Ингу по всем известному направлению. Но она вдруг произносит то, от чего у меня стынет кровь:

— «*Ты не моя Луна*».

Насладившись шоком, проступившим на моём лице, она эпично замолкает. Качает головой не прекращая улыбаться.

— София, София… Ты такая жалкая.

Не сразу, сквозь звон в ушах я слышу низкое, протяжное рычание.

Кербер.

Я даже не заметила, что всё это время он стоял за моей спиной. Но услышав слова Инги или уловив что-то в её интонации, он вышел вперёд, оттесняя меня. Шерсть на загривке стоит дыбом, пасть оскалена. Взгляд обсидиановых глаз направлен на «угрозу».

Инга бледнеет. Даже через макияж видно, как краска сходит с её лица.

— Что это с ним? Убери его! — требует она, делая шаг назад.

— Кербер, — тихо зову я, положив руку ему на загривок. — Всё хорошо.

Он не успокаивается, но и не нападает. Просто продолжает рычать, пристально глядя на Ингу.

— Вот поэтому я ненавижу собак, — кривит губы. — Непредсказуемые твари!

— Уходи, пока Кербер всерьёз не решил, что ты угроза. — Я легонько поглаживаю своего защитника по лоснящейся шерсти. — Остановить его может только Егор, и ты это знаешь.

Прежде чем отступить, Инга ошпаривает меня долгим, полным жгучей ненависти взглядом.

— Ты пожалеешь, — бросает она, разворачиваясь к двери. — Когда он выбросит тебя, как выбросил меня, ты вспомнишь мои слова и пожалеешь!

Хлопок и особняк вновь погружается в тишину.

Глава 7

Луна

Егор не появляется ни вечером. Ни ночью. Ни на следующий день.

Снова проснувшись в гордом одиночестве, первым делом беру в руки телефон, чтобы высказать всё, что я думаю о нём и его обязанностях мужа. Сквозь раскрытые настежь тёмные портьеры в лицо бьёт яркий солнечный свет. Я щурюсь от обилия света и отворачиваюсь от окна.

Сняв блокировку телефона, открываю чат с Егором и вижу сухое:

«*У меня встреча с партнёрами. Буду к обеду. Не скучай, Луна*»

Встреча с партнёрами?

А ночью? Тоже была встреча?

Он прикалывается?

Слова Инги продираются сквозь внутренний барьер. Царапают шипящим:

«*Скоро Аид и от тебя устанет*».

Я снова перечитываю сообщение от Егора и чувствую, как внутри закипает глухое раздражение.

Сначала он уходит рано утром, даже не разбудив меня и не попрощавшись. Потом не приходит домой ночевать. Затем

оставляет в этом огромном доме на несколько дней, как… Как одну из своих многочисленных коллекционных статуэток!

А теперь просто отмазывается сообщениями…

С меня хватит.

Пусть сам скучает.

Вместо гневной тирады, которую так хочется настрочить или надиктовать Егору, я набираю Елену.

— София! Ты вовремя, — её голос звучит тепло, даже как-то по-матерински. — Я собираюсь устроить небольшую чайную церемонию и как раз хотела пригласить тебя присоединиться. Приезжай, жду с нетерпением.

После разговора с Еленой на душе становится легче. Мрачное настроение растворяется, оставляя только предвкушение будущей встречи.

Собираюсь я быстро, чтобы успеть покинуть особняк до возвращения Егора. Натянув джинсы и простой свитер, умываюсь. Перехватываю на кухне бутерброд с чаем – весь мой завтрак. И на ходу отмахиваюсь от Ирины, которая возмущенно цокает, прося меня немного подождать и позавтракать полноценно.

Кербер провожает меня до двери, но дальше не идёт. Только машет хвостом, всем своим видом говоря: «Ты иди, развейся, а я пока за домом присмотрю». С Ириной псу не придётся скучать в одиночестве. Так что я, погладив своего защитника по широкому лоснящемуся лбу, надеваю ста-

ренькие, но удобные кроссовки и выхожу во двор.

Один из водителей Егора довозит меня до фамильного особняка Морозовых минут за двадцать. Выйдя из машины, я уверенным шагом захожу в заранее открытые для меня ворота – Елена предупредила о моём визите. Миную внутренний двор, фонтан, и по вымощенной дорожке иду прямиком в сад, к лабиринту. Туда, где мы с Еленой впервые трапезничали в беседке.

Весна в самом разгаре. Сад утопает в зелени. Тут и там чирикают птички. Солнышко уже не просто греет, а жарит, ловко пробираясь своими лучами сквозь листву невысоких деревьев. Оттянув свитер двумя пальцами в области груди, я трясу его, жалея, что не надела футболку под низ.

А это ведь ещё даже не обед! Такими темпами, придётся просить что-то из гардероба Елены, иначе я буду мокрая насквозь уже к середине чаепития.

На подходе к лабиринту я слышу чьи-то голоса и почему-то сбавляю шаг, замедляясь. Доверившись интуиции, сворачиваю с дорожки, и не уверенным шагом направляюсь за угол дома. Туда, откуда доносятся голоса.

Любопытство и воспитание борются во мне, словно два неистовых зверя – насмерть. И первый побеждает.

Я останавливаюсь только тогда, когда вижу говорящих. На скамейке, в тени старого дуба сидят Александр и Елена. Меня они не видят, увлечённые разговором.

— Ты должен сказать ему, — голос Елены дрожит. Она

держит его за руку, и эта сцена кажется мне трогательной до слёз. — Хватит уже тянуть.

Александр выглядит… плохо. Бледный, осунувшийся, под глазами залегли чёрные круги.

Я раньше не видела его таким.

— Скажу, — Морозов кашляет, глухо и надрывно. — Когда придёт время.

— Оно уже пришло, Саша, — Елена называет его по имени, и в нём столько боли, что у меня сжимается сердце. — Врачи сказали…

— Я знаю, что сказали врачи, — перебивает её жёстко. — Но не хочу, чтобы Егор смотрел на меня с жалостью. Или чтобы из жалости согласился вести дела. Он должен сам прийти к этому. Не из-за меня. Сам, — чеканит твёрдо. — И даже если случится чудо и Егор внезапно одумается, он всё равно никогда не простит меня из-за Маши. Да я и сам себя… — Александр запинается на краткое мгновение. Мгновение слабости. — Не прощу…

Похоже, отец Егора болен. И серьёзно.

О, чёрт…

И что мне теперь делать с этим знанием? Это не моя тайна. Я не могу так просто взять и рассказать обо всём Егору!

Елена плачет. Беззвучно. Её плечи дрожат. Александр приобнимает жену не как любящий муж, а скорее, как друг, который пытается утешить дорогую сердцу подругу. Это вы-

глядит неловко и мне вдруг становится стыдно за то, что я подглядываю за ними. Но вместо того, чтобы отступить назад, я делаю шаг вперёд.

Я уже однажды подслушала чужие тайны. В этот раз скрываться не стану.

— Добрый день. Простите, что прерываю, — мнусь, переступая с ноги на ногу. — Я случайно услышала ваши голоса и решила подойти, поздороваться.

На меня оборачиваются две пары ошарашенных глаз.

Всё-таки проще было сделать вид, что я ничего не слышала…

— София? — громкий возглас Елены заставляет меня вздрогнуть. Стыдливо вытирая щёки, она отстраняется от мужа и подскакивает со скамьи. — Ты..?

— Она всё слышала, — вместо меня отвечает ей Александр.

Я киваю, и Елена бледнеет, оседая обратно на скамью. Жду, что глава семейства придёт в ярость, причём справедливо, но этого не происходит. Он только удручённо качает головой, растирая лоб пятернёй, словно безумно устал от всего.

Обойдя скамью, я встаю перед ними, не зная, куда себя деть и уже тысячу раз жалея о том, что возомнила себя смелой и честной.

— Пожалуйста, — шепчет Елена, хватая меня за руку. — Не говори ему. Не говори Егору о том, что услышала.

— Но это же неправильно, — обращаюсь к Александру. — Он имеет право знать. Чем дольше вы тянете… А вдруг завтра уже будет поздно? — выпаливаю я, решив сказать то, что не смогла озвучить Елена.

Александр поднимается со скамьи. Складывает руки за спиной и смотрит на меня тяжёлым, но уставшим взглядом.

— Значит, так нужно, — просто отвечает он и поднимает глаза, глядя на небо со смирением и принятием. — Значит, такое наказание она выбрала для меня.

И это «*она*» Морозов старший произносит с такой затаённой нежностью, что мою грудь сжимает тисками.

Я понимаю, о ком говорит Александр – о матери Егора. Марии Морозовой. Вот только…

Елена тоже всё это слышит. И всё понимает. И на неё даже смотреть больно. Опустив взгляд, она с силой сжимает кулаки. Но Александр этого даже не замечает.

— Почему бы просто не сказать ему? — вырывается у меня. — Скрывать всё от Егора – глупость! Если бы мои родители были живы, я бы хотела знать о таком! Вы снова отнимаете у него выбор! — Говорю я и осекаюсь.

Александр кривит губы в ухмылке. Он догадался по моей случайной фразе, что я уже в курсе их семейной трагедии.

— Я должен быть уверен, что Егор простил меня не потому, что я болен. А потому, что понял, *сам*, что я никогда не желал смерти его матери. Что безумно хотел быть рядом в тот момент и не знал, что всё так обернётся. Что жалею

каждую секунду своей жизни о том, что не мог быть рядом с ними. Что я всегда любил Машу, и буду любить до самой смерти. И после неё…

То, что я слышу, повергает в шок. А то, что вижу – особенно. На глаза наворачиваются слёзы.

Мне до одури жаль этих сломленных людей.

Елену – из-за её безответной любви к мужу. Александра, который на самом деле любит сына. Так, как умеет: жёстко и неправильно. И Егора, который ненавидит мачеху и считает, что даже его отец не желает ему добра. Что он один против всего мира.

— Я ничего не скажу, — обещаю я, борясь с першением в носу и давлением в груди. — Но вы должны пообещать, что расскажете ему всё сами. В самое ближайшее время. Иначе это сделаю я. Егор имеет право знать. На этот раз у него должен быть выбор! Уж я-то знаю, каково это – остаться сиротой. И поверьте мне… Это…

Я сглатываю, не в силах протолкнуть ком боли и обиды в горле.

Александр выставляет руку перед собой, призывая меня не продолжать.

— Я понял, — кивает он. — Даю слово.

Елена, несмотря на свою личную боль, выдыхает с облегчением. Разжимает кулаки. И, когда я заглядываю в её глаза, вижу в них только благодарность.

Выдавив из себя улыбку, Елена поднимается и, словно ни-

чего и не было, берёт меня под руку. Но я вижу, как её пальцы всё ещё трясутся.

— Пойдём, Софи. Всё уже готово к чайной церемонии. Только нас и ждут.

Елена уводит меня, оставляя Александра в саду. Но в последний момент я не могу сдержаться и оборачиваюсь – он стоит у дуба и всё ещё смотрит на небо. Нежно, почти благоговейно. С мягкой, неприсущей ему улыбкой на лице.

***

В беседке нас ждёт накрытый стол. Тонкий фарфор, заварной чайник, пара блюдец со сладостями. Всё выглядит так по-домашнему уютно, что я на мгновение забываю о только что услышанном.

Я думала, что в чайной церемонии будет участвовать персонал, но Елена делает всё сама. Она берёт заварник, переливает его содержимое в чахай, и только после разливает чай по чашкам.

Её руки дрожат, и мне приходится прикусить губу, чтобы не ляпнуть лишнего.

Если Елена решила из последних сил делать вид, что ничего не случилось, то и я не должна нарушать и без того хрупкое равновесие в её душе своими замечаниями и мнением.

— Елена, — зову я тихо. — Вы как?

Она замирает на секунду, и в её взгляде, наконец, появля-

ется некая осознанность – всё это время Морозова мысленно была не со мной.

Поставив чахай обратно на стол, Елена садится напротив. Смотрит на одну из тарелок со сладостями, вот только я уверена, что она вряд ли видит перед собой хоть что-то.

— Я…

Елена запинается, подбирая слова. Затем поджимает губы и делает глубокий вдох и выдох.

— Я в порядке. Правда. Думала, что привыкну за столько лет, но… Всё равно тяжело. Прости за это.

Её улыбка тревожная. В уголках красивых глаз собираются морщинки. И вроде бы Елена улыбается, но я вижу, что она на грани. Её маска уже пошла трещинами, выдавая истинное состояние – невыносимую боль, которую она прячет ото всех каждый день.

А может и каждую минуту.

— Вам не за что извиняться, — твердо чеканю я, не понимая, зачем Елена пытается быть сильной при мне. И почему вообще не отменила нашу встречу.

Она же еле держится…

— Есть за что. Я не должна так реагировать, но когда разговор заходит о Маше, я…

Елена резко замолкает. Поджимает слегка трясущиеся губы и с силой зажмуривается.

— Вы о матери Егора? — уточняю я, не зная, что обычно говорят и делают в таких ситуациях.

Я не сильна в утешениях… Всегда впадаю в ступор.

— О моей лучшей подруге, — кивает Елена, медленно открывая глаза и обхватывая руками чашку с дымящимся чаем.

Я смотрю на женщину во все глаза. Заметив мой шок, она криво улыбается.

Хмыкает:

— Да, София. Иногда чья-то жизнь напоминает плохой сериал. Я не просто знала Машу. Мы с ней дружили с детства. Вместе росли, вместе мечтали, вместе… влюбились в одного мужчину.

Так вот почему Егор так сильно ненавидит Елену.

И отца – за то, что тот женился на лучшей подруге матери сразу после её смерти.

Елена берёт чашку и делает небольшой глоток. Её улыбка из тревожной становится теплой и ностальгической.

Елена любила свою подругу.

Глаза не могут врать. Глаза – это зеркало души.

— Маша была очень доброй. Яркой. Она была солнышком для всех нас. Притягивала к себе внимание, как магнит. Стоило ей зайти в помещение, и каждый взгляд был направлен на неё. Хрупкая, изящная, красивая…

Голос Елены становится тише, будто она рассказывает секрет, который хранила слишком долго. Настолько, что он выжег на её душе уродливые шрамы.

— Когда я узнала, что Маша тоже любит Александра, я

так и не смогла сказать ей, что мой отец собирается договориться с отцом Александра о помолвке. Прибежала к папе и на коленях умоляла его не делать этого.

Елена делает ещё один глоток. Я же так и не прикасаюсь к своей чашке, будучи в полном шоке от откровений сегодняшнего дня.

— Просьба отменить помолвку дорого мне обошлась, но… Счастье Маши того стоило. Да и Александр никогда не испытывал ко мне нежных чувств. И так и не смог… — Печально подытоживает она. — Я сделала правильный выбор.

Последнее, словно было адресовано самой себе.

Это то, что Елена повторяет себе изо дня в день, чтобы не сойти с ума от боли?

Боже…

Я закусываю щеку изнутри, чтобы не расплакаться. Откидываюсь на спинку стула, и Елена тут же подмечает, что я ни к чему не прикоснулась.

— Попробуй, — она кивает на мою остывающую чашку. — Чайные церемонии помогают успокоиться и собраться с мыслями. Ты была так взволнована, когда звонила мне, и я подумала, что церемония подойдёт для нашей встречи, как нельзя кстати.

Вот уж точно…

Как в воду глядела.

Я беру чашку, собираясь выпить, как минимум половину, но Елена машет указательным пальцем, останавливая меня.

— Сначала мы наслаждаемся ароматом. — Изящно удерживая чашку в руке, она подносит её к носу и делает вдох.

Я повторяю за ней. Подношу чашку к лицу и закрываю глаза. Пахнет травами и мёдом. Я не могу разобрать, какими именно травами, но точно уверена, что такой запах подошёл бы самой Елене. Особенно под цвет её глаз – он такой же теплый, но при этом разбавленный горечью.

— Маша очень любила этот чай, — тихо говорит Елена. — Она обожала всякие культурные традиции. И меня этому научила. А ещё часто повторяла: «*Лена, это не просто церемония – это аналогия всей нашей жизни. Относись к этому серьёзнее! Посмотри, как ты торопишься, вместо того, чтобы смаковать каждый глоток. Ты ведь так ни одну вкусовую ноту чая различить не сможешь!*».

Елена смеётся над своим воспоминанием и качает головой.

— Она ещё тогда видела меня насквозь. Я так и не научилась наслаждаться жизнью. Постоянно куда-то бежала. И бегу. Сначала от себя. Теперь гонюсь за Сашей. — Она со звоном ставит чашку на блюдце и смотрит куда-то вбок, обращаясь в никуда: — Прости меня, Маш…

Я опускаю глаза вниз, рассматривая чай цвета жжёного сахара. Чужие откровения и чужая боль отзываются тупой, давящей пульсацией в груди. Мне становится так грустно, что я даже не замечаю, как солнце прячется за тучами и что мне уже не так жарко, как было.

— Вы скучаете по ней? — спрашиваю осторожно.

Взгляд Елены устремляется в прошлое. Туда, где её подруга все ещё жива. Туда, где у этой женщины всё ещё есть причины радоваться жизни, несмотря ни на что.

— Безумно, — её голос срывается. Становится хриплым от эмоций. — Маша заслуживала счастья. Она не должна была уходить так рано. Эта болезнь...

Ветер приносит с собой запах свежей травы и распустившихся цветов в лабиринте. Я молчу, боясь разрушить хрупкую и шаткую паузу.

— Маша была удивительной, — продолжает Елена. — Она умела любить так, что рядом с ней любой человек чувствовал себя особенным. Саша, он… рядом с ней он был другим. Мягче. Живее. А когда её не стало…

Она снова замолкает, подбирая слова.

— Егор очень похож на неё. Не внешне. Сутью. У него её свет и умение видеть этот мир не так, как все остальные. Но смерть матери сломала его, и он спрятался во мраке. Потерявшийся мальчишка… — С сожалением произносит Елена. — Егор боится, что если решит выйти на свет, ему опять будет больно. Разрушительно больно.

— Наверное, я бы сделала также, — задумчиво вожу подушечками пальцев по окружности чашки. — Катя рассказывала мне, что у нашей психики есть такое свойство, как вытеснение. И если она чувствует, что есть что-то, что нас разрушит, она просто прячет это в дальний ящик. Ставит за-

слонку. Или же заставляет обо всём забыть.

— Твоя подруга говорит правильные вещи. Так и есть, — эхом отзывается Елена. — Именно это и произошло с Егором и Александром. Они запретили себе чувствовать, потому что чувства приносят им боль. Это лишь один из способов выживания. Но если Егор ещёспособен выйти на свет, то с Александром… всё сложнее. После смерти Маши он просто функционирует. И это сильно отражается на его взаимоотношениях с Егором.

— Как… Как вы стали женой Александра? — спрашиваю я и прикусываю язык.

Нашла время…

Но Елена на удивление спокойно реагирует на мой вопрос.

— Он женился на мне через месяц после её смерти. Папарацци сделали из этого скандал. В каждом заголовке писали, что Морозов изменял своей жене с её лучшей подругой, что слишком быстро забыл её. Что не любил вовсе. Это тоже отчасти повлияло на Егора и его отношение к нашей женитьбе. Но на самом деле это был единственный шанс спасти бизнес Морозовых от краха. Потому что никто, даже Егор, не знал, что Александр хотел уйти вслед за ней…

Испугавшись собственной откровенности, Елена осекается.

— Софи, могу я…

Предвосхищая чужую просьбу, качаю головой.

— Я ни за что не скажу об этом Егору. Обещаю. Он не должен знать, что его отец…

Я пытаюсь протолкнуть слова сквозь сжатое тисками горло, но они так и не выходят наружу.

— Спасибо. — Елена протягивает руку через стол и накрывает ею мою. — Смерть Маши и для меня стала горем и большой утратой. Но я смогла взять себя в руки и почти год руководила бизнесом Саши из тени, пока он напивался до беспамятства. Скорая женитьба нужна была только для этого. А потом он сам попросил меня остаться. Из чувства вины или долга, а может по старой дружбе… Кто его знает? И я согласилась.

Она убирает руку с моей, и на этот раз садится, выпрямив спину. Но, потеряв тепло её ладони, я отчего-то чувствую лёгкое сожаление.

Ветер играет с волосами Елены. Она заправляет их за ухо, убирая от лица. Я невольно любуюсь этой красивой женщиной и втайне восхищаюсь её силой и смелостью. Стойкостью. Не каждая смогла бы выдержать столько испытаний, сколько выпало на её долю.

— Мы все любим её и скучаем до сих пор, хоть и понимаем, что Маша никогда не вернётся.

— А что насчёт вас? Вы же любите Александра, — говорю я. Не спрашиваю – утверждаю. — Любите и мучаетесь. Так почему не уйдёте?

— Я нужна ему, Софи. Особенно сейчас. Как я могу уйти

в такой момент?

Я хочу сказать ей столько всего…

Что она не должна была жертвовать своей жизнью и своим счастьем ради мужчины, который никогда её не полюбит. Что она всегда могла и может уйти. Что она всё ещё может найти и полюбить другого мужчину. Что может построить с ним семью. Свою…

Но кто я такая, чтобы раздавать советы? Откуда я знаю, каково другому человеку на душе, что он чувствует на самом деле, чем руководствуется и чего хочет?

Я и в своей-то жизни разобраться не могу…

— Саша до сих пор не простил себя. — Елена подливает нам чай и пододвигает блюдце со сладостями ближе ко мне. — Он рвался к ней, но самолёт задержали. Там, где он был, плохо ловила связь – он даже дозвониться им не мог. Целая цепь дурацких случайностей, которые стоили Маше жизни.

Слушая Елену и наблюдая за ней, я, наконец, понимаю, почему она страдает. Она из тех женщин, которые всю свою жизнь посвящают другим. Отцу, Маше, Александру, Егору – кому угодно, но не себе.

— Саша приехал, когда всё уже закончилось. И так и не смог с этим смириться…

— А Егор винит Александра в том, на что тот никак не мог повлиять, — подхватываю я, понимающе кивая.

— Всё так, — подытоживает Елена и топит свой печальный взгляд в чашке. — А Саша не оправдывается, пото-

му что считает, что не заслуживает прощения. Даже после стольких лет.

Воцаряется тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев на деревьях. Каждая из нас думает о своём. Я – о Егоре и темных уголках его души, а Елена наверняка об Александре, Маше и своей боли.

— Спасибо, что поделились, — говорю я в итоге.

На лице Елены появляются краски, возвращая ей красивый румянец на щеках.

— Ответы на вопросы, за которыми ты пришла ко мне, лежат глубже, чем кажется.

От резкой смены темы я на мгновение теряюсь. Хмурюсь, пока ещё не понимая, к чему Елена ведёт.

— Морозовы не умеют любить наполовину, — продолжает она с едва заметной улыбкой на лице. — Егор – копия отца, хоть и отрицает это. Всё или ничего, София – так они любят. И если Егор выбрал тебя, он будет с тобой до конца. И никогда не отпустит. Даже если ты сама захочешь уйти.

Это я уже итак поняла… пока бежала по лесу.

— Именно поэтому Александр был изначально против вашего брака. Он увидел в сыне то, что тот сам ещё не до конца осознаёт. Саша хотел уберечь вас обоих.

Но откуда..?

Откуда они это знают?

Не ожидая, что меня так легко раскусить, и что я настолько предсказуема в вопросах, касающихся любовных отноше-

ний, теряю дар речи.

И всё-таки выпиваю всю чашку одним глотком.

Знала бы Елена, что когда я появилась в их доме, уже было слишком поздно…

И что Егор прекрасно осознаёт свою одержимость. Да ещё и упивается этим…

— Что ж, это всё, что я хотела сказать по поводу Егора. Решать тебе и только тебе, София – оставаться или нет. А теперь, если ты готова, мы, наконец, можем поговорить о твоём обучении, — с хитрым блеском, вернувшимся в зелёные глаза, произносит Елена.

Глава 8

Луна

Солнце окрашивает сад в оранжево-розовые оттенки, когда я слышу знакомый рокот мотора вдалеке. Елена замирает на полуслове – мы как раз обсуждали, какие вина заказывать к различным видам мяса на светском приёме. Её брови удивлённо взлетают вверх.

— Похоже, кто-то очень соскучился, — тянет она, пряча улыбку в уголках губ.

Проследив за её взглядом, оборачиваюсь, глядя сквозь белое резное окно беседки.

«Мерседес» Егора паркуется у самого входа в сад. Дверь резко открывается, и из машины выходит мой муж. *Сильно недовольный*. И это мягко говоря. Он при параде: в светло-сером костюме, белоснежной рубашке (как обычно к вечеру не застёгнутой на две верхние пуговицы) и начищенных до блеска тёмно-коричневых туфлях.

Взгляд Егора находит меня сразу. Словно он заранее знал, где я окажусь, где буду сидеть и что делать. И даже несмотря на сотню метров, разделяющих нас, я тут же ощущаю волнение, прошившее каждый мой нерв.

По телу проносится дрожь. Я сглатываю, забыв всё то, что

обсуждала с Еленой последние два часа. Внутри разливается странная смесь из тепла – потому что он приехал за мной, и лёгкого раздражения – потому что не дождался, пока я вернусь *сама*.

Ему значит можно всё, а мне – нет? Так он считает?

Если да, то Егор сильно заблуждается. Я не собираюсь, словно верная собачонка, сидеть дома и ожидать, пока хозяин явится домой. Для этого у него есть Кербер.

От своих размышлений злюсь на Морозова ещё больше.

Егор подходит к беседке быстрым, уверенным шагом. Вежливо, но прохладно кивает Елене, не вынимая рук из карманов. И заглядывает мне в глаза. Пристально, с раздражением и лёгким беспокойством, которое смешалось с осуждением. Словно пытаясь вызвать у меня чувство вины за то, что он волновался, а я, гадина такая, даже не сказала, куда уехала.

— Я звонил тебе, — претензионно заявляет муж вместо приветствия.

А ведь мы почти сутки не виделись!

Голос Егора звучит ровно. Любой другой бы не заметил подвоха. Но я знаю его достаточно, чтобы различить в обманчиво спокойном тембре острие заточенной стали.

Вот других пусть своими «страшными» взглядами и пугает!

Я достаю телефон. Демонстративно медленно опускаю взгляд на экран: пять пропущенных и три сообщения.

Как-то слабовато он волновался.

— Здесь связь плохо ловит, — отмазываюсь я, хотя это не совсем правда.

На самом деле я была слишком увлечена разговором с Еленой, чтобы отвлекаться. И немножко (*совсем немножко!*) была одержима желанием заставить Егора испытать то же, что испытывала я все эти дни: волнение, ревность и злость на то, что меня оставили, как надоевшую игрушку в дальнем и пыльном углу комнаты. А беззвучный у меня стоит столько, сколько этот старенький телефон мне служит.

Так что пусть засунет претензии и недовольство себе в…

— Вы закончили?

Словно догадавшись, о чём я думаю, Егор переводит взгляд на Елену. Как будто на самом деле его волнует только мнение мачехи. А я так… Мимо проходила.

Елена кивает, ничуть не смущаясь его холодного тона.

— Да, думаю, что на сегодня можно закончить. София способная ученица, схватывает всё на лету, — она тепло улыбается мне. — В следующий раз разберём с тобой правила этикета на официальных мероприятиях.

Я договариваюсь с Еленой о следующей встрече и поднимаюсь с места, чувствуя себя неуютно под пронизывающим взглядом синих глаз.

— Спасибо за урок, — благодарю Елену, прежде чем принимать протянутую ладонь Егора.

— Мне только в радость. Приезжайте в гости почаще, —

с намёком произносит она.

И, до того, как этот вредный сноб начнёт возражать, тоже поднимается с места.

— Доброй ночи, молодые люди. Я передам от тебя привет Саше, — одаривает Егора любезной улыбкой и неспешно уходит в сторону особняка, махая мне рукой напоследок.

Егор едва ли не зубами скрипит ей вслед, моментально превращаясь в Аида.

— Стерва лицемерная, — цедит глухо.

Моё лицо вытягивается.

— Прекрати сейчас же! Хамло невоспитанное!

Чёрта с два я поеду с ним куда-либо! Тут останусь ночевать!

Вместо того чтобы взять Егора за всё ещё протянутую руку, бью по его ладони своей. Выражение лица мужа становится таким же, как и у меня пару секунд назад – ошарашенным.

Не дожидаясь, пока этот гад придёт в себя, скрещиваю руки на груди и быстрым шагом иду следом за Еленой.

Надеюсь, догоню. Кричать на весь двор, чтобы она остановилась, не хочется.

— Куда собралась? — прилетает пассивно-агрессивное в спину.

Егор быстро нагоняет меня и хватает за руку. Его пальцы смыкаются на моём запястье крепче, чем обычно. Не тратя силы впустую, чтобы вырваться (*всё равно бесполезно*), я

останавливаюсь и ошпариваю его молчаливо-осуждающим взглядом исподлобья.

— Не устраивай сцен, — хмурится Аид. — По крайней мере, не здесь. Не забывай, что мы все ещё играем горячо влюблённых мужа и жену.

— Если ты не в курсе, — шиплю я, сузив глаза, — даже горячо влюблённые друг в друга супруги ругаются. Представляешь, да? Все мы люди. Так что отпусти меня и езжай по своим *важным* делам.

Морозов хмурится. Так, словно не может поверить в то, что слышит.

— Ты злишься на меня за то, что я работал?

— Считай, как хочешь, — твердо и абсолютно спокойно говорю я, глядя на его ладонь, железной цепью обхватывающую моё запястье. — Отпусти.

— Если ты не в курсе, дорогая, — копирует мою интонацию Аид, — наш контракт всё ещё действует.

— Иди ты в жопу, дорогой! — взрываюсь я. Грудь ошпаривает яд жгучих эмоций, скопившихся за дни, которые я провела практически в полном одиночестве. — Плевать я хотела на тебя и на контракт!

— Тише.

— А то что? — бросаю с вызовом.

Внутри ворочается обида, но я прикрываю эту уязвимую часть себя защитным панцирем из злости. Так, как делала это всю свою жизнь.

— Я сказал, — Аид склоняется к моему лицу и, угрожающе нависая, понижает голос, — *тише*. Если отец узнает про контракт, ты нарушишь одно из условий.

Я прикусываю язык, хотя на нём вертится ещё тонна нецензурных слов. Спорить с этим тираном, привыкшим, что все ему подчиняются и чуть ли не в рот заглядывают, себе дороже.

Поэтому я просто перевожу стрелки и нападаю в ответ:

— Ты в курсе, что твоя бывшая вчера к нам в гости приходила?

— Какая именно? — спрашивает он, ухмыляясь.

Мне приходится сделать резкий и глубокий вдох, чтобы снова не накинуться на Егора. Но на этот раз не со словесной баталией, а для того, чтобы вцепиться в его ехидно-смазливую морду лица.

Запястье, которое держит Морозов, горит огнём.

— Дыши, София, — кривит чувственные губы в подобии улыбки, но в его глазах пляшет синее, потустороннее пламя.

Пламя, которое однажды сожжёт меня дотла.

— София, значит? — говорю вслух, тут же жалея, что вообще открыла рот.

Показывать Егору очередную свою слабость – это как добровольно выстрелить себе в ногу.

— Если тебе так не нравится полное имя, я больше не буду называть тебя им, *Луна*.

Ну вот, так я и знала! И секунды не прошло…

— Давай уйдём отсюда. Поговорим в машине. — На лице Егора мелькает что-то такое, что заставляет меня согласиться.

Я злюсь, что так и не смогла отстоять своё желание остаться в гостях, но всё равно следую за мужем. Молча.

Морозов открывает мне дверь. Дожидается, пока я сяду. И только потом обходит автомобиль, чтобы занять кресло водителя.

— Инга сказала, зачем приходила?

— Нам не о чем с тобой разговаривать, — отвечаю я, когда мы выезжаем за ворота.

— Есть, — его ответ слишком быстрый. Сухой. — И много о чём, судя по твоему поведению.

— Кербера будешь учить правильному поведению, — моментально прихожу в ярость.

Да что это со мной? Почему я себя так веду?

Зачем говорю всё это?

Я с вызовом смотрю на его профиль: напряжённая линия челюсти, красивые пальцы музыканта с силой сжимают руль.

Он зол. *Очень*зол.

Но я зла не меньше.

Спустя целых две минуты молчания, я не выдерживаю первой:

— К чему все эти сцены? — Внутри всё кипит, угрожая сжечь и меня, если я не выговорюсь. — Ты ведь знал, что я у Елены.

— Знать и догадываться – разные вещи, — бросает на меня быстрый взгляд, на мгновение отрываясь от дороги. — Ты хоть понимаешь, как сильно я переживал, не обнаружив тебя дома? Все эти дни я копаю под Антона. Ищу причины упечь его за решётку. *Пожизненно*. И этот урод, наверняка, обо всём догадывается. А если и не догадывается, то чует своей гнилой задницей, что на него ведут охоту.

Вся моя злость моментально куда-то улетучивается. Эмоции, которые я прятала глубоко внутри – жалкие, слабые, – разом накрывают меня, вызывая опустошение.

— Ты ведёшь себя слишком беспечно, Луна! — добивает меня.

Конечно, я понимала и понимаю, что у Егора много работы. Что он не просто так где-то пропадает целыми днями. Но он не должен так холодно вести себя со мной после того… После того, как…

Я тяжело выдыхаю и отворачиваюсь к окну. Прячу лицо, прижимая ладонь ко рту. Глаза у меня на мокром месте.

И почему с Егором всегда так тяжело?

Будто на американских горках катаюсь…

— Прости, — нехотя бросаю я, прочистив горло.

На этот раз разговаривать с ним действительно не хочется. И не потому, что нам не о чем говорить, а потому, что я точно разревусь. Жалко и позорно. Выставлю себя дурой. Или истеричкой.

Спустя какое-то время я немного успокаиваюсь. Плакать,

по крайней мере, больше не хочется. Зато появляется навязчивое желание разрушить давящую тишину, повисшую в салоне.

— И куда мы едем? — спрашиваю я, заметив, что Егор сворачивает на шоссе, ведущее в противоположную сторону от дома.

— Я должен быть на треке. Ставки уже сделаны. Если не приеду, потеряю крупный источник дохода. А в нынешнем положении я не могу себе этого позволить. Отец продолжает вставлять палки в колёса «Айрон Моторс», чтобы я пришёл к нему сам.

— А я здесь причём? — бурчу чисто из вредности. — Мог, как обычно, оставить меня дома.

Егор берёт мою руку и переплетает наши пальцы. Я поднимаю на него взгляд, полный удивления.

— Прости меня, Луна. Я не думал, что тебе будет настолько одиноко, — говорит он, склоняясь и целуя тыльную сторону моей ладони. — Больше ни за что не оставлю тебя одну.

Я отвожу глаза, чувствуя, как щеки заливает краска.

Город поглощает чернильная тьма, но в моём сердце неожиданно распускаются цветы граната. Такие же огненно-красные, с оранжевыми всполохами по краям лепестков.

И как Егору удаётся успокоить меня всего лишь парой фраз? Секунду назад я хотела с пеной у рта доказывать, что мне всё равно и на него и на его отсутствие, а сейчас…

Сейчас мне очень хочется, чтобы Егор обнял меня и боль-

ше никогда не отпускал.

***

Вопреки моим ожиданиям, в этот раз гонка проходит не в подземном треке, принадлежащем Егору, а на территории заброшенной верфи. Но прежде чем ехать на гоночную трассу, Морозов меняет машину.

Объехав верфь по широкой дуге, мы подъезжаем к ржавому и, казалось, всеми забытому гаражу. Егор звонит Кроту и тот уже через минуту открывает гараж изнутри. Выгоняет тюнингованную машину Аида, а Морозов, наоборот, загоняет свой Мерседес в гараж.

— Когда-нибудь тебя спалят, — хмуро бормочу я, выходя из машины.

— Когда-нибудь – понятие растяжимое, — подмигивает мне Егор, небрежно опираясь рукой о дверцу и лукаво ухмыляясь.

К нам подходит Крот.

— Аид.

— Крот.

Они жмут руки в знак приветствия.

Кратко кивнув мне, Крот вновь переключается на Егора:

— Сменка в тачке.

Снова кивок, но на этот раз от Егора.

Да уж. Общение у них конечно…

— Харон будет?

— Да. И он уже поставил на своего протеже крупную сумму, — подтверждает Крот.

Харон? Это кто ещё такой?

Новость приводит Егора в мрачный восторг.

— Отлично. Значит, сегодня он её лишится, — самоуверенно заявляет Морозов и идёт к своему обсидиановому монстру.

Крот – которого я впервые за всё время смогла спокойно рассмотреть – растягивает губы со шрамом, разрывающим их грубой линией, в неприятной улыбке. Мужчине на вид лет сорок. Лицо, заросшее щетиной. Глаза хитрые, с вечным прищуром. Но одет опрятно: обычный чёрный свитер без горла, поверх – косуха, и широкие брюки с карманами по бокам.

На таких обычно смотришь и сразу думаешь – *бандит*.

Егор достаёт сменную одежду из спорткара, и возвращается в гараж, на ходу раздавая Кроту указания:

— Узнай, кто сегодня будет тёмной лошадкой и не заменил ли Харон своего протеже. Сюрпризы нам не нужны.

— Понял.

Крот прячет руки в карманы, выходит из гаража и быстрым шагом удаляется в сторону верфи.

Закинув одежду в Мерседес, Егор закрывает гаражные ворота изнутри.

Я выгибаю бровь:

— Мне отвернуться? — подкалываю Морозова, глядя на то, как небрежно он бросает пиджак на заднее сиденье.

Егор, не сводя с меня потемневших глаз, принимается неспешно расстёгивать рубашку.

— Не любишь стриптиз?

Нас разделяет корпус машины, и я провокационно обхожу её сзади, игриво проводя пальцем по чёрному металлу.

Решаю подыграть ему:

— Только если в твоём исполнении, — понизив голос, томно отвечаю я.

Рубашка отправляется туда же, куда и пиджак. Растянув губы в порочной ухмылке, Егор проводит ладонью по бляшке ремня на брюках. Дразнится, слегка оттягивая пояс.

— Поможешь?

— Ну, уж нет, — меня одолевает нервный смех.

Раздевать Морозова? Здесь? Верх неприличия!

— А что так? — наигранно разочарованно интересуется муж, с хлёстким звуком расстёгивая ремень.

Я сглатываю, чувствуя, как резко пересыхает в горле и как в низу живота занимается пожар.

Провокатор!

— Ты меня, наверное, перепутал со своими куклами, которые готовы трахаться с тобой, где угодно. Даже в туалете, — добавляю я, морща нос.

А сама под шумок рассматриваю его великолепно сложенное тело. Татуировку, проходящую по рёбрам. Мышцы гру-

ди, по которым хочется провести ладонями и ощутить их силу. Широкие плечи, ключицы и жилистые руки с выступающими венами. Рельефный, накаченный торс с едва заметной дорожкой волос, идущей от пупка вниз.

Чёрт…

— Ханжа, — беззлобно скалится Егор, снимая брюки. — Ты ведь не пробовала даже. Вдруг понравится?

— В туалете? — Я отворачиваюсь от него, прислоняясь поясницей к багажнику. Скрещиваю руки на груди. — Очень в этом сомневаюсь.

Егор появляется передо мной слишком неожиданно. Подхватывает и усаживает на багажник.

— Что ты…

— А на багажнике автомобиля? — Разводит мои бедра, устраиваясь между ними. Его ладони властно хватают меня за ягодицы и притягивают к горячему обнаженному торсу мужчины.

— Ты же сейчас замёрзнешь, — ляпаю первое, что приходит в голову, потому что здравый рассудок помахал мне ручкой, как только этот невыносимый мужчина оказался рядом. Да еще и в такой позе…

Егор, оставшийся в одних трусах, явно был со мной не согласен, молчаливо опаляя жаром своего тела.

— Егор…

Я облизываю пересохшие губы, и он тут же захватывает их в плен. Целует меня так сладко, что поджимаются пальчики

на ногах.

— С тобой? Никогда, — жарко шепчет мне в губы.

Мне между ног недвусмысленно упирается внушительный бугор его желания. Егор явно собирается продолжить. А я, неожиданно для себя самой, не против.

Одобрительно провожу по его плечам. Запускаю руки в платиновые волосы. Сжимаю бёдра, чтобы ощущать Егора ещё сильнее. Ещё ближе.

Муж нетерпеливо рычит:

— Как же я соскучился, Луна…

Я откидываю голову, подставляясь под его влажные поцелуи. Предвкушая продолжение.

Но нас прерывает громкий звонок телефона.

Егор чертыхается. Утыкается лбом в мою грудь. Тяжело дышит, успокаиваясь. И, в конце концов, всё же отпускает меня.

— Нельзя терять голову, — произносит едва слышно. Словно самому себе.

Я испытываю глухое разочарование, но, прикусив нижнюю губу, ничего не говорю. Хотя очень сильно хочется попросить его вернуться. И продолжить…

Егору что-то быстро сообщают, и уже спустя полминуты он убирает телефон обратно в машину.

Вот не могли они – кто бы это ни был – позвонить позже?

Закон подлости какой-то…

Без мужа становится холодно. Я спрыгиваю с багажника и смотрю на мускулистую, красивую спину Егора. Меня кроет щемящая нежность вперемешку с распалённым желанием. Не выдержав этого коктейля, я подхожу к мужчине и обнимаю его со спины. Прижимаюсь к горячей коже щекой.

Шепчу:

— Я тоже безумно скучала по тебе.

Егор замирает в моих объятиях. Даже как будто не дышит. А после делает судорожный вдох и с шумом выдыхает воздух из легких. Развернувшись, топит меня уже в своих объятиях.

— Девочка моя, — его хриплый голос разносится по гаражу, вызывая острые мурашки по всему телу. — Обещаю, как только мы вернёмся домой, я покажу, *как сильно*я по тебе скучал.

Его слова распаляют меня ещё больше. Но, словно испытывая нас на прочность, по воротам гаража раздаётся громкий стук, заставивший меня стыдливо отскочить от Егора.

В прокуренном голосе Крота, как обычно, нет ни единой эмоции:

— Аид, гонка скоро начнётся. Ты можешь не успеть к старту.

— А ты мне в мамочки записался? — грубо отвечает Егор.

— Старт перенесли. — Тон Крота не меняется. — Не успеешь – тебя дисквалифицируют.

Его слова действуют отрезвляюще на нас обоих.

Да здравствует триумф логики…

На лице Морозова отражается досада. Но, послав мне извиняющийся взгляд, он принимается спешно переодеваться в гоночный комбинезон. Чёрный, с белыми полосками вдоль рукавов и фиолетовыми вставками на груди.

О. Мой. Бог!

Разве можно выглядеть ещё сексуальнее?

Я прикрываю глаза и с силой зажмуриваюсь, пытаясь справиться с возбуждением.

Невыносимо… И когда я стала такой же одержимой, как и Егор?

Видать, это заразно.

Заметив мою реакцию, Аид довольно улыбается.

— Обещаю, эту победу мы отметим с размахом, — басит Морозов и, в последний раз приласкав меня горящим взглядом синих глаз, надевает маску.

Глава 9

Луна

— По инфе: протеже Харона – без изменений, новичков сегодня не будет, — говорит Крот, опираясь руками на крышу спорткара и заглядывая в водительское окно.

— Люблю хорошие новости. Спасибо, — отвечает ему Аид и даёт по газам.

Крот предусмотрительно убирает руки. Машина ревёт, а уже в следующую секунду срывается с места.

Ночью заброшенная верфь на окраине города преображается до неузнаваемости. Унылые, серо-коричневые тона сменяются яркими огнями прожекторов, музыкой и толпой людей, разодетых в модное тряпьё.

Всё вокруг напоминает закрытую вечеринку для избранных. Вот только вместо коктейлей здесь подают скорость и адреналин, а вместо танцев – нелегальные заезды.

Гоночный трек встречает нас визгом шин, ослепляющим светом и запахом бензина. Прежде чем выйти из машины, Егор достаёт тёмно-фиолетовую повязку, похожую на шарф, с заднего сиденья.

— Тебе теперь тоже нельзя светиться.

С этими словами он наклоняется ко мне. Бережно отдви-

гает волосы и завязывает повязку на затылке, скрывая нижнюю половину моего лица.

— У тебя же полностью тонированная машина, — говорю я, опьянённая его близостью.

— Ты со мной не поедешь, — отрезает Аид, в одно мгновение становясь злым, как чёрт. Маска искажает его голос, и он звучит по-настоящему устрашающе. — Когда начнётся гонка, Крот присмотрит за тобой.

Я даже возмутиться не успеваю. Морозов выходит из машины и хлопает дверью, тем самым показывая мне, что разговор окончен. Пытаясь правиться с бушующим раздражением, выхожу следом. И тут же чувствую на себе обстрел чужих взглядов.

На меня смотрят если не все, то бо́льшая часть уж точно.

Всё никак не привыкну к тому, что пока рядом со мной Егор-Аид, я всегда буду в центре внимания.

Мне становится неуютно. А желание бороться за право остаться в машине, пусть и ценой второго пассажира на гонке, зашкаливает. И, что удивительно, мне ни капельки не страшно.

*С Егором*ничего не страшно.

Я уверена, что этот несносный мужчина оттачивает *все*-свои навыки до совершенства. Я уверена *в нём*.

Ох, чёрт…

Обойдя спорткар, Аид покровительственно окольцовывает мою талию своей рукой.

— Никуда от меня не отходи, — бросает приказным тоном.

Морозова не узнать: походка хищная, тело напряжено, словно перед прыжком. Мой муж сейчас не наследник бизнес-империи. *Он Аид*. И моя тёмная сторона, о которой я раньше и не подозревала, отзывается, желая покориться этому опасному мужчине.

Мы с лёгкостью минуем толпу – люди сами расступаются перед Аидом. Кто-то приветственно кивает ему, кто-то отводит взгляд, кто-то просто смотрит с уважением. Меня же продолжают преследовать десятки любопытных глаз, в которых так и читается немой вопрос:

«*Кто она – девушка, что приехала с Аидом?*»

Я прячу взгляд, прижимаясь к мужу ещё ближе. Инстинктивно ища у него защиты. Егор это чувствует и успокаивающе поглаживает мою талию.

— Всё хорошо, Луна, — говорит мне тихо. Я не вижу его лица, но чувствую, что он смотрит на меня. — Никто из этих отбросов даже не посмеет приблизиться к тебе. Они знают, *что*я сделаю с каждым, кто попробует это сделать.

Чтобы взглянуть на Егора, мне приходится задрать голову. Моя ответная улыбка прячется за повязкой, но я уверена, что по глазам можно понять, как сильно я благодарна ему за эти слова.

Мне действительно стало спокойнее.

Аид ведёт меня к трибунам. Они представлены самодель-

ными конструкциями из сплава металлических труб и досок. Место не очень уютное, но зато отсюда открывается лучший обзор на трассу.

Мы поднимаемся на самый верх. Егор каким-то чудом находит Крота среди плотной толпы, освещенной слепящими прожекторами (*а может, место встречи было определено заранее…*). Подводит меня к нему и приказывает не спускать с меня глаз.

Прежде чем уйти, оставив меня на попечение Крота, Аид несколько бесконечно долгих секунд прожигает меня светом неоновых «иксов».

— Скоро вернусь, — наконец, произносит он, стоя напротив меня, но больше не делая ни единой попытки приблизиться.

— Будь осторожен.

Я хочу обнять Егора, но не знаю, как должна вести себя на глазах у многочисленной толпы, и поэтому остаюсь на месте.

Вдруг испорчу его репутацию своими неосмотрительными действиями?

Аид кивает. И, не говоря мне больше ни слова, уходит.

Чувствуя болезненный укол разочарования, я опускаюсь на свободное место у самого края. Смотрю на удаляющуюся спину Егора, обтянутую гоночным комбинезоном, и борюсь с желанием рвануть следом за ним.

Я не должна была отпускать его одного.

Надо было настоять…

Но уже поздно. Я больше не вижу Аида среди мелькающих тел.

Крот занимает место справа от меня – так ко мне больше никто не сможет подсесть. Его присутствие действует успокаивающе. Этот угрюмый мужчина бандитской наружности вопреки всему внушает доверие.

Хотя, возможно, дело в том, что Егор ему доверяет. А значит и я тоже.

С трассы доносится рёв моторов. Машины выстраиваются в ряд. Обсидианово-чёрный спорткар Аида с тёмно-фиолетовой подсветкой занимает место во втором ряду. Холодный ветер с залива забирается под свитер, и я вздрагиваю.

— Он победит? — зачем-то спрашиваю я, не отрывая взгляда от трассы.

— Аид никогда не проигрывает, — произносит Крот, не раздумывая ни секунды. С *абсолютной* уверенностью.

Но лёгкая тревога всё равно не покидает меня, сворачиваясь в груди холодным клубком.

Я продолжаю наблюдать за подготовкой к заезду, когда чувствую на себе чей-то взгляд. Не любопытствующий, а тяжёлый. Изучающий. Как будто я – бабочка, пришпиленная булавкой к доске.

Я принимаюсь вертеть головой в поисках источника неприятного ощущения. И нахожу.

Его.

В десяти метрах от меня, опершись плечом о бетонную

колонну, стоит мужчина в белом костюме, но рубашка, галстук, перчатки и обувь чёрные. Высокий (*даже выше Егора!*), темноволосый, с острыми чертами лица и хищными, цепкими глазами, которые в свете прожекторов кажутся абсолютной тьмой.

Он беззастенчиво разглядывает меня, даже не пытаясь это скрыть. В его руке гранёный стакан с чем-то тёмным. Под моим прямым ответным взглядом, незнакомец делает медленный глоток и вдруг кривит уголок губ в усмешке.

Внутри всё сжимается до размера крохотной горошины.

Харон. Это точно он!

Я уверена.

То, с какой осторожностью другие люди бросают на него быстрые взгляды…

То, как пространство вокруг него словно уплотняется, становясь тяжелее…

И эта аура… Такая же, как у Аида.

Опасность – вот что излучает человек в белом костюме. Но если у Егора она защитная и предупреждающая: «*Только посмей приблизиться!*», – то у Харона она, как острие бритвы. Истинная. Глубинная. Впитавшаяся в кровь вместе с ощущением абсолютной безнаказанности. Стоит коснуться, и ты уже порезался, хотя сам еще не заметил.

Крот, проследив за моим взглядом, мрачнеет.

— Это Харон, — цедит сквозь зубы, подтверждая мои мысли. — Главный спонсор здешних заездов. Аид не хотел,

чтобы ты с ним пересекалась. Не смотри на него.

Я послушно отвожу глаза, но уже поздно. Харон отталкивается плечом от колонны. Его движения плавные, тягучие. *Змеиные*. В каждом жесте сквозит такая уверенность в собственной власти, что у меня перехватывает дыхание.

Холодный ветер смешивается с волнением и меня пробивает мелкая, нервная дрожь. Кожа покрывается мурашками от иррационального страха перед этим человеком. Есть во взгляде Харона что-то такое, от чего хочется спрятаться за спину Егора. А лучше и вовсе убраться отсюда, как можно дальше, и больше *никогда*с ним не пересекаться.

А ведь он ещё даже ничего не сделал…

Харон идёт к нам медленно, неспешно, не сводя с меня глаз. Зная, что я никуда не денусь. Среди целого моря кожи, денима и гоночных комбинезонов в своём белом костюме он напоминает больше призрака, чем человека. Люди расступаются перед ним, как и перед Аидом. Но если Егору уступают дорогу из уважения и признания его силы, то от Харона шарахаются так, словно их одолевает липкий животный страх.

— Я же сказал, не смотри на него! — шипит Крот, ощутимо напрягшись. Настолько, что я ощущаю кислый запах пота, исходящий от него.

Но я, будто под гипнозом, всё равно продолжаю следить за приближением Харона. И чувствую, как где-то в глубине души, подобно стеблям плюща, разрастается острая паника.

Взрыв двигателей сотрясает ночной воздух, оповещая о

том, что гонка началась. Визг шин, крики толпы, утробный рёв моторов – всё смешивается в единую какофонию. Но всё моё внимание приковано к мужчине в белом костюме и чёрной (*наверняка, как и его душа*) рубашке.

Харон останавливается на расстоянии двух шагов от меня, и теперь я могу разглядеть его получше. На вид ему чуть больше тридцати. Бронзовая кожа, острые скулы, тонкие губы, растянутые в едва заметной снисходительной усмешке. Глаза… *действительно чёрные*. Я не ошиблась. В них нет ни единого проблеска света – словно два провала в бездну.

— Значит, это вы та самая Персефона, о которой все говорят.

Голос у Харона мягкий, обволакивающий, с лёгкой хрипотцой. Такой голос хочется слушать. Таким голосом можно управлять толпой, заставив их поверить во что угодно.

— Признаться, наслышан, — сияние его белоснежных зубов может посоперничать со светом прожекторов. — Вы просто обворожительны. Аид всегда умел выбирать себе женщин.

Крот поднимается со своего места, частично заслоняя меня собой.

— Аид будет в ярости, если увидит тебя рядом с ней. Не провоцируй разборки. Это не выгодно ни одной из сторон.

В этот момент я чуточку больше зауважала Крота – чтобы разговаривать с Хароном в таком тоне, нужна недюжинная смелость. У меня вот до сих пор язык никак от нёба не от-

липнет. А ведь я никогда не считала себятрусихой.

— Разве я спрашивал вашего с Аидом позволения?

Харон даже не смотрит на Крота, продолжая изучать меня с каким-то нездоровым интересом.

— Это моя территория. Одно моё слово и вас с Аидом выставят отсюда взашей. Иди, проветрись, — велит Харон и, наконец, переводит взгляд на моего телохранителя. — Нам с Персефоной нужно поговорить наедине.

Он делает шаг вперёд, будучи абсолютно уверенным, что Крот уберётся с его пути. Запах чужого парфюма бесцеремонно врезается в меня: терпкий и тяжёлый, с горькими нотками. Живот сводит спазм, и я невольно начинаю дышать через раз из-за прилива тошноты.

Крот не сдвигается с места даже на миллиметр. Заметив это, Харон останавливается в последний момент, едва не сбив моего временного телохранителя с ног своей немаленькой тушей.

— Если выбирать между тобой и Аидом… — Крот цокает, качая головой. — Лучше гони меня взашей.

— Преданность – замечательное качество. — Харон снисходительно хлопает Крота по плечу. — Я это уважаю. И всё же настаиваю на разговоре с Персефоной. Тет-а-тет.

Зачем он меня так называет? Из-за Аида?

Фу, как пафосно!

— Правила…

— Я знаю правила. Сам их придумал. Пока на ней «метка»

Аида, — кивает на мой фиолетовый шарф, — я ничего ей не сделаю. И пальцем не коснусь, — выставляет перед собой руки, облаченные в чёрные перчатки, в обезоруживающем жесте.

Так вот для чего нужен этот шарф! Но почему он лежал на заднем сиденье спорткара? Неужели кто-то уже носил его раньше?

Надеюсь, Егор не посмеет так со мной поступить…

Иначе я его собственными руками придушу! Кобель несчастный!

Я предусмотрительно помалкиваю. Но меня передёргивает от того, как именно Харон произносит слово «метка». Будто я – *собственность* Аида, а не женщина.

Крот медлит, но, судя по всему, связываться с Хароном по-настоящему опасается. Повинуясь какому-то невидимому приказу, он нехотя отступает в сторону, но остаётся стоять рядом, не вмешиваясь.

Харон опускается на его место. Чужое колено почти касается моего, и я демонстративно отодвигаюсь к самому краю трибун.

— Не бойся меня, — мурлычет он, делая глоток из стакана, который до сих пор держит в руке.

Его пальцы унизаны перстнями. Их сверкание невольно цепляет мой взгляд, вынуждая хмуриться ещё больше. И тут я понимаю, что совсем не слежу за гонкой…

— Я всего лишь любопытствую. Последний год Аид при-

езжал в компании сногсшибательной длинноногой брюнетки…

Сердце предательски ёкает от его слов, наполняясь жгучей ревностью. Мне неприятно, что меня в очередной раз сравнивают с Ингой.

Она мне уже, как кость в горле!

Но, произнося следующее, Харон, сам того не зная, успокаивает мою разгорающуюся было ревность:

— И вдруг появляешься ты. *С его «меткой»*. А сам Аид вцепился в тебя, как в сокровище, которое нужно охранять. — Он делает небольшую паузу. Хмыкает: — До тебя ни одна пассия не носила его цвет.

Облегчение, которое я испытываю в этот момент, сравнимо разве что с чувством, когда тебе сообщают, что врач ошибся по поводу тяжёлого диагноза и с тобой всё в порядке.

Я молчу, впиваясь ногтями в ладони. Сердце колотится о рёбра, когда я пытаюсь найти глазами спорткар Аида в куче машин и дыма на гоночной трассе.

На самом деле я бы много чего сказала Харону. И в основном нецензурного. Но я точно знаю, что Егор бы не одобрил мою инициативу. Да и «расплачиваться» за сказанное буду не я, а он. И я это прекрасно понимаю.

Так что лучше буду сидеть и помалкивать.

— И как тебя зовут на самом деле, прекрасная Персефона? — спрашивает Харон, не дождавшись ответа.

Крот неодобрительно косится на мужчину, скрестив руки

на груди, и тот усмехается. Коротко и сухо. Но его усмешка лишена всякого веселья. Это скорее предупреждение Кроту и дальше стоять и не отсвечивать.

Я не свожу глаз с трассы, но чувствую, как пристальный, изучающий взгляд Харона буквально проникает мне под кожу, пытаясь добраться до самых сокровенных тайн.

И тогда, собрав остатки храбрости, я всё же произношу:

— А вас? Насколько я помню, Харон был перевозчиком мёртвых душ в царстве Аида, — намекаю на то, что раз он так себя называет, значит, его положение явно ниже, чем у Егора. — Впечатляющий образ. И жуткий, если начать размышлять о том, чем вы занимаетесь и за что получили своё прозвище.

В глазах Харона мелькает искра неподдельного удивления, а уже в следующую секунду его усмешка становится шире.

— А Персефона у нас не промах. Полностью оправдывает *своё* прозвище. Не только красивая, но и мудрая не по годам.

— Вы мне льстите.

Я на мгновение встречаюсь взглядом с Хароном и тут же отворачиваюсь обратно к трассе. Сердце замирает, когда я, наконец, нахожу спорткар с фиолетовой подсветкой – он разрезает пространство, словно чёрная молния.

Аид лидирует, но за ним по пятам, бампер к бамперу, следует машина серебристого цвета. Остальные отстают слишком сильно. Им уже не угнаться за двумя соперниками. По-

тому что, судя по счёту на огромном экране, это последний круг из пяти.

— Вы поставили на него? — спрашиваю я, кивая на серебристый спорткар, для того, чтобы поговорить с Хароном о чём-то более нейтральном. Потянуть время.

— Да, — подтверждает он, сделав ещё один неспешный глоток и, наконец, перестав буравить меня пристальным взглядом чёрных глаз.

Я невольно выдохнула. Теперь всем его вниманием владела гоночная трасса.

— Талантливый парень. Амбициозный. Думаю, однажды он сместит Аида с пьедестала.

В его голосе слышится тень уважения к Егору. Это и успокаивает, и тревожит одновременно.

— То есть, сейчас вы не совсем уверены в его победе?

— Если быть объективным, то нет, не уверен.

— Тогда почему вы не поставили на Аида?

Харон качает головой, и свет прожекторов скользит по его резким чертам лица.

— Я в любом случае получу свой процент с победы. Независимо от того, кто победит. Это… моя *личная*ставка. И дело тут совсем не в деньгах, красавица. Аид отнял у меня кое-что важное. И я хочу получить *своё*обратно. Пусть и таким необычным способом. Я считаю, что сместить Аида с пьедестала будет справедливой компенсацией.

Компенсацией?

И что же Егор скрывает от меня на этот раз?

Рёв моторов нарастает. Я неотрывно слежу за чёрным спорткаром. Ещё два поворота и машины понесутся к финишной прямой. Аид всё ещё лидирует, вот только серебристый оппонент упорно его нагоняет.

— Ты ведь понимаешь, что связалась с очень опасным человеком? — голос Харона проникает в сознание, словно яд. — Аид ломает своих женщин. Сначала привязывает их к себе, а потом…

— Замолчите, — резко обрываю я, ощутив жгучую волну злости, опалившую грудь.

Но мужчина неожиданно сам меняет тему:

— Взгляни.

Я перевожу взгляд на табло – серебристая машина почти поравнялась с обсидиановым монстром Аида. Сердце совершает кульбит, когда я осознаю, что что-то идёт не так.

Харон бросает на меня быстрый взгляд, в котором пляшет тёмное веселье.

— Похоже, твой покровитель, наконец, увидел свою ненаглядную Персефону в компании другого.

Я судорожно вглядываюсь в трассу, пытаясь разглядеть машину Аида. Но вижу лишь два стремительных силуэта, рассекающих ночную тьму: чёрный и серебристый.

И последний вырывается вперёд.

Нет.

Нет-нет-нет...

Егор сказал, что эта гонка важна для него! Если он проиграет…

Толпа взрывается криками. Кто-то скандирует имя Аида, кто-то поддерживает его соперника. Всё смешивается в единый гул.

Я не выдерживаю и вскакиваю на ноги. Имя мужа срывается с моих губ судорожным шёпотом:

— Егор...

Чёрный спорткар сдаёт позиции. Сердце замирает в груди, когда задние фары машины Аида вспыхивают алым.

Зачем он тормозит перед последним поворотом?

— Хорош, — неохотно признаёт Харон. — Смотри внимательно, Персефона. Сейчас твой мужчина либо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.